

Свой, чужой, родной

Автор:

Татьяна Полякова

Свой, чужой, родной

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Таинственный и зловещий особняк с колоннами как магнитом притягивал Валентину Смирнову. Каждый вечер Тина отправлялась на пробежку в парк и останавливалась рядом с необитаемым домом, пытаясь разгадать его мрачную загадку. И тут в жизни Тины произошло сразу несколько событий: при сносе старого здания в центре города находят труп давно убитого мужчины с отрубленными руками; Тинка узнает, что Эмма – девушка, жившая в квартире до нее, бесследно исчезла; случайно обнаруживает у себя в квартире старую записку с адресом дома с колоннами; знакомится с мужчиной своей мечты – ослепительно красивым, спортивным, галантным, к тому же без материальных и других проблем. И вот что удивительно: оказывается, все эти события связаны между собой!.

Татьяна Полякова

Свой, чужой, родной

В доме кто-то находился. Ставни по-прежнему были закрыты, но сквозь них пробивался свет – сразу в трех окнах первого этажа. Получается, в доме появились хозяева. Впервые за долгое время. Почему бы и нет? Но сделанное открытие вызвало едва ли не шок. Я стояла возле калитки, смотрела на окна, не в силах сдвинуться с места. Немногочисленные в это время прохожие уже поглядывали с недоумением.

На этот дом я обратила внимание в первый же вечер, как только здесь поселилась. Я снимаю квартиру дальше по улице, в бывшем двухэтажном особняке XIX века. Аренда влетала в копеечку, но этот район мне нравился. Зарабатывала я неплохо, а особо тратить деньги было не на что. Людка утверждала: «Это из-за убогости фантазии». Наверное.

В общем, я могла себе позволить жить там, где хочу. В первый же вечер я отправилась на пробежку. Эта моя страсть у Людки вызывала стойкое недоумение. Я в отместку попыталась увлечь ее своим примером. Безрезультатно. То есть пару раз она пробежалась со мной, но потом злобно ворчала: «Я что, страус? Нет уж, физкультура точно не для меня».

Мы с подругой редко придерживаемся единого мнения, но это не мешает нашей дружбе. Она предпочитает лежать на диване, листая журнальчик, а я каждый вечер выхожу на пробежку, в любую погоду и в любом месте...

Однако сейчас не об этом. Итак, дом. Поселившись на этой улице, в первый же вечер я вышла на пробежку и обратила на него внимание. Деревянный, в два этажа. Он стоял чуть в глубине, за кованым забором, прячась за десятком деревьев. Ближе к калитке – три плакучие березы, дальше – тополиная аллея, которая вела прямо к крыльцу. Летом все вокруг покрывал белый пух. Подобных зданий в районе предостаточно, это ведь старая часть города, но от других дом отличали деревянные колонны, придававшие ему благородства, и плотно закрытые ставни.

Дом выглядел нежилым, и это при том, что земля здесь на вес золота, а сад, или точнее сквер, перед зданием места занимал немало. Но вряд ли бы данное обстоятельство возбудило мой интерес. Дело в другом. Дом с колоннами выглядел зловеще. Впервые заметив его между деревьями, я, точно против воли, остановилась, почувствовав беспокойство, что было сродни предчувствию. Наглухо закрытые ставни, свет уличного фонаря, который с трудом пробивался сквозь листву, следы обветшания...

Ставни и колонны были белыми, но краска успела облупиться... Сам дом темно-зеленый, при свете дня совсем не мрачный... На первый взгляд. Но мне всякий раз становилось не по себе и неизменно являлась мысль: что прячется за белыми ставнями?

На следующий день я пришла сюда в полдень. Солнце жарило вовсю, а там, под тополями, собрались тени. Забавно, но дом и при солнечном свете выглядел жутковато. Я попыталась обойти его по кругу. Не так-то просто это было. Слева за забором, в одноэтажном особняке, если верить табличке на фасаде, находился киноархив. На территорию проникнуть не удалось – фасад, в отличие от соседнего дома, выходил прямо на тротуар, сзади был дворик, заросший деревьями. От дома с колоннами здание отделял тот самый кованый забор. Попасть во двор можно было лишь из киноархива. Дверь оказалась запертой, рядом висел звонок, но придумать повод, который заставил бы служащих открыть мне, я так и не смогла. Еще вопрос, существовали ли эти самые служащие, ведь ни одно живое существо из дома при мне не выходило. Хотя, конечно, существовали. В зимнее время днем в окнах горел свет.

Справа от дома с колоннами тоже находился особняк, затянутый сеткой, на калитке – внушительный замок, за ней – заросли боярышника, и это все, что удалось разглядеть.

Тогда я попробовала подобраться к дому с параллельной улицы. Здесь мне повезло больше. С особняком соседствовал старый дом с коммунальными квартирами, жильцов начали расселять, но кое-кто еще остался. Пройти во двор труда не составило. Он был захламлен, по пути к забору, отделявшему от него территорию особняка, запросто можно было сломать ноги о сваленные где попало доски с торчащими ржавыми гвоздями. Или провалиться в яму. Когда-то здесь стояли сараи, за ненадобностью брошенные, доски и ямы – все, что от них осталось.

Продираясь сквозь крапиву, которая была мне по грудь, я приблизилась к забору. С той стороны вдоль него росли тополя. В узкий двор выходила двустворчатая дверь под кованым козырьком. Деревянные ступени почти сровнялись с землей и буквально крошились. Слева пяточок земли был выложен плиткой, здесь ржавел старый мангал. Скамейка, стол на одной железной ножке, слева качели. Ничего особенного. Пробираться сюда, рискуя заполучить увечья, явно не стоило. Окна второго этажа, выходящие во двор, тоже были закрыты ставнями. Чертыхаясь в великой досаде, я спешно выбралась из зарослей.

Но любопытство меня отнюдь не оставило. Я попыталась проникнуть на территорию, но калитка оказалась запертой. Будь забор пониже, я бы, вероятно, через него перемахнула. Хотя вряд ли. Улицу безлюдной не назовешь, и на меня

неприменно бы обратили внимание. И запросто могли вызвать полицию. Кстати, правильно. Чужая собственность неприкосновенна. Непонятно, отчего конкретно эта собственность не давала мне покоя. Однако я была твердо уверена: с домом что-то не так.

Все лето я бродила возле него, точно лиса в известной басне. Видит око, да зуб неймет. Потом собственное поведение показалось мне глупым. В доме за все время никто не появился, по крайней мере, следов человеческого присутствия я не заметила. Летом участок зарастал травой, осенью его заносило листвой, зимой на солнце поблескивали никем не тронутые сугробы, а весной под деревьями расцветали крокусы.

Особняк заметно ветшал, но вместо жалости данное обстоятельство вызывало еще большую тревогу. Как будто старый дом из последних сил удерживал нечто, несущее угрозу всему городу, – еще немного, и оно вырвется на свободу...

Вот такие примерно мысли бродили в моей голове, что явно шло вразрез с утверждением Людки об отсутствии у меня фантазии.

Каждый вечер я, дважды пробегая мимо, останавливалась возле калитки и с облегчением вздыхала, не видя кардинальных изменений. И вдруг в окнах появился свет. А у дома, соответственно, хозяева. Или они существовали и до этого, просто отсутствовали. А теперь вернулись. Совершенно обычное дело. Но я продолжала стоять, чувствуя себя так, точно на глазах у меня разворачивалась трагедия вселенского масштаба.

Скрипнула дверь, и я вздрогнула от неожиданности. Вглядываясь в темноту, обнаружила, что входная дверь приоткрыта, и что-то шмыгнуло от нее в сторону. Я едва не заорала с перепугу, но тут таинственное нечто материализовалось возле калитки и мяукнуло, глядя на меня с некоторым недовольством. Бродяга. Это, без сомнения, был он. О чем свидетельствовал ошейник с большим пластиковым медальоном. Если дать себе труд прочитать, что на нем написано, узнаете следующее: Бродяга – домашний кот, а попрошайничает в силу своего дурного нрава. Просьба не кормить его и хозяев не позорить.

– Привет, – сказала я. Кот вроде бы кивнул. – Ты был в доме?

Конечно, был. Если уж вышел оттуда. Жаль, что коты не разговаривают, мог бы поведать, чему довелось стать свидетелем. Хозяев дома вряд ли назовешь скверными людьми, если они приютили кота, хоть и на время.

Кот прошмыгнул между прутьями калитки на улицу, забежал вперед, обернулся и удивленно мяукнул. Мол, стоять будем или побежим? Вздохнув, я отправилась дальше по улице. Кот вскоре меня покинул, найдя занятие поинтереснее, а я спустилась к реке, точнее к парку, который тянулся вдоль берега. Обычное место моих пробежек.

Я набрала темп, но мысли о доме с колоннами меня не покидали. Само собой, еще два года назад я попыталась разузнать, что это за дом и кому принадлежит. А также поделилась своими впечатлениями с Людкой. Первым делом она меня высмеяла. По ее мнению, ничего особо примечательного в доме не было. Дом как дом. Таких в старом городе много. Встречаются и заброшенные. Но вечером подруга пошла со мной, чтобы на него взглянуть.

Усмешка с ее лица так и не сходила, однако чувствовалось, что и ее что-то встревожило. Смутное беспокойство, которому не так просто найти объяснение. Хотя Людка в подобных вещах ни за что не признается.

Подруга жила в этом городе гораздо дольше, чем я, с тех пор, как поступила в местный университет на факультет журналистики, и смутно помнила, что на первом этаже дома раньше было фотоателье, а потом – магазин женской одежды. Но то ли место не очень удачное (то, что дом находился довольно далеко от тротуара, – вряд ли большая удача для магазина), то ли бизнесмены не преуспели, в общем, и ателье, и магазин продержались недолго. К некоторому удивлению, я узнала: дом не такой уж старый. Построил его в начале шестидесятых годов прошлого столетия местный художник. Возможно, выбор проекта диктовало окружение, или он просто тяготел к классике, но дом казался минимум лет на пятьдесят старше.

На первом этаже у художника была мастерская, оттого дом и обзавелся окнами в пол, на втором – жилые помещения. В конце девяностых художник умер, наследники, не сумев договориться, кому будет принадлежать дом, продали его. Кто теперь здесь хозяин или хозяйка, оставалось загадкой. Мои робкие попытки разузнать об этом ничего не дали. Говорю «робкие», потому что сводились они к поискам сведений в Интернете. Куда проще было обратиться с вопросом к Тимофею или к той же Людке. Но делать этого я не стала. Людка непременно

начнет ворчать по поводу моей мании, именно так она охарактеризовала интерес к дому, а заводить разговор с Тимофеем и вовсе не хотелось. Подозреваю, он и без того считает меня девушкой, в голове которой слишком много тараканов.

За пешеходным мостом начинался подъем, и я заранее набрала темп, всецело сосредоточившись на беге, и тут увидела его. Мужчина лет тридцати пяти поравнялся со мной, взглянул довольно равнодушно и кивнул, а я сказала «привет» в надежде, что он ответит. Однако он решил, что кивка вполне достаточно.

Впервые я заметила его позапрошлым вечером. Может, он и раньше появлялся здесь, но мы не встречались, а тут, можно сказать, столкнулись чуть ли не нос к носу. Возле реки есть участок, где дорожка довольно узкая. К тому же темная. С правой стороны ее загораживают от фонарей высокие кусты, слева – река, ко всему прочему, в тот вечер после дождя дорожка была еще и скользкой. Парень вынырнул из темноты, наверное, тоже поздно меня заметил и попытался обойти, то есть обежать слева, а я инстинктивно шарахнулась в ту же сторону, боясь, что влечу в него на всей скорости. В результате поскользнулась и непременно бы упала, не подхвати он меня в самый ответственный момент...

В общем, я оказалась в его объятиях. Вода поблескивала в темноте, в ветвях деревьев что-то нашептывал ветер, а я замерла в крепких мужских руках, у обладателя которых, безусловно, были и другие достоинства.

Сказать по правде, я бы задержалась в такой позе надолго. Однако у него на этот счет было свое мнение.

– Все в порядке? – спросил он, отстраняясь и выпуская меня из рук.

– Ногу слегка потянула, – сказала я с дурацкой улыбкой, уже ненавидя себя за это.

– Сможете идти? – заботливо осведомился он.

Я пожала плечами, сделала пару шагов и кивнула. А что мне было делать? Кататься по земле, точно футболист?

- Осторожно, - назидательно изрек он напоследок и припустился дальше.

Только не подумайте, что у меня проблемы с парнями и я сплю и вижу, с кем бы познакомиться. Совсем нет. То есть один-то парень уж точно мог бы быть, если бы я этого захотела. Тимофей вовсе не являлся предметом моих мечтаний, но впечатление на девушек производил самое благоприятное. И уж тем более неясно, чем меня так поразил незнакомец. Насколько я смогла разглядеть: лицо приятное, высокий, отличная фигура. Тимофей - парень рослый и, когда за себя берется, тоже выглядит неплохо... Будь я сентиментальной девушкой, наверняка приплела бы какие-нибудь флюиды или романтику летнего вечера. Два бегуна, случайно столкнувшиеся возле реки. Может, не так романтично, но по нынешним меркам вполне сойдет.

«У него глаза необыкновенные», - заявила я себе в оправдание, хотя вопрос, что я успела разглядеть в темноте, да еще с перепугу.

Как бы то ни было, а встреча даром не прошла, затронув некие струны моей души, и вчера я парня активно высматривала. И даже задержалась на полчаса, а когда так и не увидела - огорчилась.

Сегодня же, заметив его рядом, не только разулыбалась по-дурацки, меня даже в жар кинуло. Хорошо, что хоть сразу не поймешь, с чего вдруг... То есть я-то более-менее понимаю, хоть и недоумеваю, а ему - уж точно ни к чему.

«Ну, вот... увиделись», - подумала я в досаде и припустилась следом, не очень-то надеясь его догнать. Однако темп сегодня он сбавил, может, из-за подъема, а может, просто устал. Его спина, скрытая здоровущим рюкзаком, маячила впереди. Я поднажала, а парень вдруг оглянулся. И улыбнулся, словно желая меня подбодрить.

- Как нога? - спросил он, а я опять покраснела. Ну что за черт, а?

- Нормально, - ответила, пытаюсь выровнять дыхание.

- Отдохнем? - предложил он. Сошел с дорожки и, согнувшись, уперся руками в колени. Я сделала то же самое, гадая: это начало знакомства или я зря губы раскатала?

Кольцо на пальце отсутствовало, но радоваться я не спешила. В его возрасте нормальные мужчины уже женаты. А ненормальный мне зачем?

Тут же выяснилось: с глазами я ничего не напутала. Они и в самом деле необыкновенные. Темно-синие и при этом прозрачные, словно подсвеченные изнутри. Он, точно нехотя, улыбнулся, и я поняла, что в прошлую нашу встречу произвело на меня прямо-таки неизгладимое впечатление. Эта ленивая улыбка совершенно преображала его лицо. Глаза точно вспыхнули, в них был вызов и абсолютно неприкрытая сексуальность.

«Вот только этого не хватало», – мысленно запаниковала я. Чего «этого», я и сама толком не знала.

От его взгляда по спине побежали мурашки, однако парень вовсе не ассоциировался с искателем приключений, который решил осчастливить как можно больше доверчивых дур и оттого меняет подружек чаще, чем носки. Но цену он себе точно знает. Почему бы и нет? Кстати, мне бы тоже не помешало. Я молода, уж точно не глупа и красива, если зеркала не врут.

«Не врут, – утешила я себя. – Не зря парень на меня внимание обратил. Была бы я дурнушкой, бежал бы себе дальше».

– Как зовут? – спросил он, а я сдуру брякнула:

– Кого? – и закатила глаза в досаде. Насчет ума я себе явно польстила. – Валентина, – торопливо ответила со смешком.

– Серьезно? – непонятно чему удивился он. – Забавно.

– Не такое уж редкое имя, – пожала я плечами. – Хотя конкурировать с Настями трудно. Друзья зовут меня Тиной.

«А это я к чему?» – с опозданием задалась я вопросом.

– Тина? Как Тина Тернер?

– Типа того.

– А меня друзья зовут Валькой. Звали когда-то. – Он протянул руку и добавил: – Валентин. Будем знакомы.

– Действительно забавно, – пожимая его руку, сказала я и решила, что самое время любопытствовать. – Можно спросить? Что у тебя в рюкзаке?

Рюкзак он, кстати, снял, и теперь тот стоял в паре шагов от него, возвышаясь, точно утес.

– А ты любопытная, – усмехнулся мой новый знакомый, потянул за веревки и предложил: – Смотри.

Я заглянула в рюкзак и присвистнула – в нем лежали гантели. На вид неподъемные.

– И давно ты себя так истязает?

– Не особо.

– К чему готовишься? В одиночку на Эверест?

– Зажирел малость от сидячей работы.

Я окинула взглядом его фигуру и заметила:

– Не хотелось бы льстить, но, на мой взгляд, ты близок к идеалу.

– Ты меня пару месяцев назад не видела, – засмеялся он, подхватил рюкзак, легко закинув его за плечи, скомандовал: «Вперед!» – и припустился по тропинке.

Через два километра я отстала, а он ни разу не обернулся, чтобы проверить, здесь я или нет. Я не стала его догонять, наоборот, сошла с дистанции, сделала с десяток упражнений, а потом побежала дальше. Но по сторонам поглядывала. Особенно когда покидала парк. Может, этот тип все-таки решил меня подождать? Похоже, подобная мысль ему в голову не пришла. Против воли стало

грустно. Я напомнила себе, что жизнь прекрасна, и потрусила дальше.

В доме с колоннами по-прежнему горел свет. Я вновь остановилась возле калитки в тщетной надежде хоть что-нибудь разглядеть. Дом тонул в темноте, и лишь слабый свет пробивался сквозь ставни.

Прошло минут пять, и мое терпение было вознаграждено. Свет вспыхнул в окне второго этажа, тоже скрытом ставнями. Вряд ли это можно счесть большой удачей, но одно несомненно: у дома появился хозяин.

Закрыв за собой дверь подъезда, я громко крикнула:

– Люди! – и начала подниматься по лестнице.

После революции особняк, где я жила, пошел под коммуналки, и от бывшего великолепия мало что сохранилось. Однако сносить его не стали. Фасад наскоро отреставрировали, коммуналки сменились квартирами небольшой площади, по три на каждом этаже, на второй этаж был отдельный вход с улицы. В те времена, когда здесь еще царил коммунальный рай, в просторном холле второго этажа находилась общая кухня. После того как коммуналки превратили в квартиры, газовые плиты и раковины убрали, и холл вновь стал холлом, разве что слегка захламленным. Рядом с четвертой квартирой стоял деревянный ящик, в котором надлежало хранить картошку, а также велосипед, правда, без руля. Прибавьте к этому лыжи и старое корыто, висевшее на стене, и вы получите полное описание исходной обстановки.

Из нашей сплоченной троицы я здесь появилась самой последней. К тому моменту Людка жила в квартире под номером пять уже больше года, успев не только близко познакомиться с Тимофеем, но и закрутить с ним роман, впасть в эйфорию, оттого что этот восхитительный мужчина появился в ее жизни, изменить свое мнение о данном событии с точностью до наоборот, ввязаться в полугодичную позиционную войну с бывшим возлюбленным, а ныне чудачком на букву «м», и в конце концов даровать ему по доброте душевной прощение.

Людка, как и я, жилье снимала, а вот Тимофею оно досталось по наследству от бабки. С соседом мы подружились довольно быстро. Людка, с подозрением понаблюдав за этим, сочла своим долгом меня предупредить, что кармическая

задача Тимофея – привнести в мою жизнь испытания, а вовсе не безбрежное счастье, о котором я могла по наивности грезить.

В результате с ней мы тоже подружились. И именно мне пришла в голову идея сделать из холла что-то вроде общей гостиной. Ящик для хранения картошки, велосипед и лыжи отправились на свалку, а их место занял старый, но вполне приличный диван и два кресла, купленные в складчину по объявлению в Интернете. А также телевизор. На телевизоре настояла Людка – она была из тех, кто любит, чтобы над ухом кто-то постоянно триндел, и включала телик, лишь только входила в квартиру. Засыпала тоже с телевизором. К мебели вскоре добавился журнальный столик, затем обеденный стол, три стула с барахолки и старая этажерка оттуда же, на этажерке хранились книги, которые я настоятельно рекомендовала своим друзьям прочесть. Людка их действительно читала, а Тимофей отговаривался крайней занятостью, хотя времени у него вполне хватало, чтобы вечер напролет слушать нашу с подругой болтовню или на пару с Людкой смотреть по телевизору биатлон.

Двери в квартиры мы, будучи дома, оставляли открытыми, оттого, поднимаясь по лестнице, я могла убедиться, что оба уже вернулись. Людка – с дня рождения приятельницы, а Тимофей – с работы.

Подруга трудилась в газете и не реже двух раз в неделю грозилась уволиться, называя газету «жалким листком для подтирки», коллег – динозаврами, а себя – дурой, раз уж ее угораздило выбрать профессию, которая исчезнет, как исчезли в свое время колотый сахар с серебряными щипчиками, калоши и рыцари.

Тимофей служил закону, будучи сотрудником следственного комитета, и иногда баловал нас душераздирающими рассказами о преступлениях века, не скупясь на жуткие подробности. Мы с Людкой начинали визжать и просили его заткнуться, но он со смехом продолжал ораторствовать. В такие моменты я каждый раз думала, что характеристика, некогда данная ему Людкой и вполне укладывающаяся в формулировку «гадкий гад», абсолютно верна, хотя его Твиттер описывал Глазкова как милого плюшевого мишку.

На мой крик из своей квартиры появился Тимофей.

– Привет, – сказал он. – Как побегала?

– Отлично.

– На Людку накатило, – понизив голос, сообщил сосед. – Собирается кормить нас спагетти по-неаполитански.

– А это как? – насторожилась я.

Из нас троих лучше всех готовил Тимофей, себе я отводила почетное второе место, а Людке, по моему мнению, следовало заниматься чем-нибудь другим.

– Вот уж не знаю... – пожал он плечами, а я скрылась в своей квартире, дверь на этот раз оставив открытой.

Пока принимала душ, мысли мои перескакивали с внезапно объявившихся обитателей дома с колоннами на нового знакомого.

– Он симпатичный, – вслух сказала я. – И имя Валька ему, пожалуй, идет. В этом есть что-то лихое и беспечное.

Тут перед глазами возникла его улыбка, и я подумала, что от такого типа можно ждать сюрпризов.

«Все-таки интересно, как это работает, – продолжила размышлять я. – Взглянул раз на человека, а потом думаешь о нем и думаешь, а на другого смотришь вечера напролет – и хоть бы что». Ценное замечание. Прямо-таки философское.

Покинув душ, я надела шорты с футболкой, сунула ноги в тапочки и вышла в общий холл. Тимофей смотрел какую-то юмористическую программу, Людка появилась из своей квартиры с деревянной лопаточкой, которую увлеченно облизывала.

– Привет, – кивнула она мне и продолжила, обращаясь уже к обоим: – Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста. Лучше на моей кухне, тащить сюда тарелки лень.

У Людки, как и у меня, квартира однокомнатная. Из нее хозяйка сделала студию. На мой взгляд, это не очень удобно, но подруге нравилось. Настолько, что она

вела с хозяйкой переговоры о покупке квартиры. В цене они уже сошлись, дело было за малым – найти деньги. Людка рассматривала различные варианты их получения: от ипотеки под божеский процент до ограбления века. Лично мне первый вариант представлялся даже более фантастичным, чем последний.

Спагетти оказались вполне съедобными, что заметно прибавило нам настроения.

– Рассказывайте, как жизнь, – отодвинув опустевшую тарелку и откидываясь на спинку стула, предложил Тимофей.

– У меня полная жопа, – заявила Людка.

– Что так? – насторожились мы.

– В редакции мужик появился. Ничего себе. Только-только подумала: «Вот оно, мое женское счастье». А он сегодня решил проставиться – в выходные женился, видите ли... Еще и поздравляй его...

– Да фиг с ним, – отмахнулась я.

– Оно конечно, – вздохнула Людка, – но знаешь, Валек, обидно.

– Валек у нас не спешит обзавестись второй половинкой, – съязвил Тимофей.

– Это кто сказал? – хмыкнула подруга. – Просто ты на эту роль не годишься, мой дорогой бывший возлюбленный.

– А кто годится?

– Есть мнение, она сама не в курсе, чего хочет.

– Чтобы меня умники вроде вас оставили в покое, – усмехнулась я.

– Завидую я тебе, – тут же завела старую песню Людка. – На работу ходить не надо, мужики по фигу... Все-таки это не совсем нормально, как думаешь?

– Со дня на день жду большой любви, – заявила я. – А пока не размениваюсь по мелочам.

Тимофей при этих словах едва заметно поморщился.

– А работу мы выбираем сами, так что не жалуйся.

С работой у меня, кстати, полный порядок. Деньги получаю вполне приличные, их даже больше, чем я способна потратить. А вот спешить в офис мне в самом деле не надо – работаю я дома, точнее, могу работать везде, где есть Интернет. Но Людке подобная трудовая деятельность точно бы не подошла. Здорово, когда ты сам распоряжаешься своим временем, вся штука в том, чтобы не забыть себя за эту самую работу усадить, особенно если злой начальник над душой не стоит. Людка на это точно была не способна. Все свои дела она откладывала на потом, хватаясь за них в последний момент. Клялась, что в следующий раз все будет иначе, и продолжала в том же духе.

Тимофей отправился в свою квартиру, откуда вернулся с бутылкой коньяка.

– Поднимем настроение? – спросил он Людку, кивнув на бутылку.

– Да хрен с ним, пусть валяется, – махнула она рукой, но за рюмками пошла. – Наливай, – сказала, расставляя их на столе.

– А у нас происшествие. Загадочное, – начал Глазков.

– Вот только про расчлененку не надо, – скривилась Людка, но интерес в глазах уже появился – профессия давала себя знать.

– Никакой расчлененки, – замотал он головой, – вполне себе целенький дяденька. Правда, без рук, то есть без кистей.

– Блин! – выругалась я. – А можно не сразу после ужина? Тоже мне, тема для светской беседы...

– Пусть рассказывает, коли начал, – вздохнула подруга. – Где нашли? Кого?

– На Малой Садовой решили дом сносить. Помните развалюху напротив гастронома, сеткой затянутую?

Оба почему-то уставились на меня.

– Я не помню, – пожала плечами я.

Малая Садовая не так уж далеко, но находится в стороне от моих привычных маршрутов.

– Короче, – продолжил Тимофей, – дом давно признан аварийным, но сносить его не торопились, потому что он, типа, представляет ценность. Хрен знает какую, учитывая, что там три стены и те на ладан дышат. В конце прошлого года в нем пожар случился. Жильцы соседних домов стали жаловаться, мол, бомжатник, и добра не жди, спялят всю улицу... Думали-думали, полгода считай, и вдруг – бац, решили! Вчера бульдозер подогнали, и того... А сегодня мусор вывозить стали. И один глазастый мужичок, дай ему Бог здоровья, углядел в ковше что-то странное.

– Труп? – нахмурилась Людка. – Я вроде в новостной ленте что-то читала...

– Что-то читала! – передразнил Тимофей. – И это журналист... Ты ж должна быть на Садовой через пять минут после того, как глазастый мужик сказал: «Вау, это что за хрень в ковше?»

– Друзья у меня фиговые, – не осталась в долгу Людка. – Оттого новости узнаю ближе к ночи.

– А как же репортерский нюх? – не отставал Тимофей.

Иногда я думаю, с Людкой они зря разбежались, их так и тянет поскандалить, а это, как известно, верный признак чувств, которые продолжают бушевать где-то в глубинах души...

– Да пошел ты...

– Пусть дальше рассказывает, – вмешалась я.

- Продолжаю по многочисленным просьбам, - подмигнул мне Тимофей.

Внешность у него, кстати, весьма примечательная. Смугловатый блондин с зелеными глазами. Такой в толпе не затеряется. Рост выше среднего, Людка обычно с издевкой говорит «почти высокий», и фигура была бы неплохой, завяжи он с пивом. Но расстаться с пивом оказалось куда сложнее, чем с Людкой, прибавим к этому хороший аппетит, и будущее, предсказанное ему подругой, выглядит вполне правдоподобно: ленивый боров на диване. Но до этого, надеюсь, еще очень далеко, и в настоящий момент Тимка вполне может претендовать на звание «любимца девушек».

- Решили посмотреть, что в ковше, - продолжил Тимофей, - и обнаружили мешок. Обычный мешок для мусора, крепенький такой, литров на сто...

- Прямо мастер художественной прозы, - вновь влезла Людка. - Ты когда до сути дойдешь?

- Суть проста. В мешке мертвый дяденька без кистей рук.

- А кисти так и не нашли?

- Нет. Но, может, еще всплывут где-нибудь. Хотя вряд ли.

- Ага. Труп вы еще худо-бедно найдете, а все, что по мелочи, - задание повышенной сложности.

- Логично предположить, что если их потрудились оттапать, то и спрятать подальше догадались.

- Это чтобы мужика не смогли опознать по отпечаткам пальцев? - задала вопрос я.

- Блестящий пример догадливости, - хихикнул Тимка, а я спросила:

- А где обещанная загадка?

– Сейчас в своем повествовании и до нее доберусь. Мужики в мешок нос сунули, один отправился блевать, а другой – звонить в полицию. Работу, само собой, остановили, тут и менты приехали и смогли констатировать: труп в мешке имеет место быть. Но опознать его по-любому было бы весьма проблематично.

– Начинается, – фыркнула Людка. – Только без натуралистических подробностей! Твое красноречие даже с коньяком трудно пережить.

А я спросила:

– Ты сказал, обошлось без расчлененки, так какой же должен быть мешок, чтоб в него мужика засунуть? Даже если он не особо крупный?

– В России не без умельцев, – вздохнул Тимофей. – Мешок, как я уже сказал, самый обыкновенный. В таких обычно мусор после ремонта вывозят.

– Давай уже загадку! – не выдержала Людка. – Что не так с твоим мужиком?

– Скончался он довольно давно, никак не меньше шести лет назад, эксперты пока навскидку определили... За это время труп претерпел кое-какие изменения, и запихнуть его в мешок проблемы не составило. Если кому-то такое в принципе по душе.

– Его что, из могилы выкопали? – нахмурилась Людка. – Охренеть...

– Не похоже, что из могилы...

– Ничего не понимаю, – пробормотала подруга в досаде, а я вновь полезла с вопросом.

– Так, может, он все это время в доме и находился? Сам говоришь, дом давно заброшен.

– Теоретически мог. Странно только, что ни бомжи, что в доме обретались, ни пожарные его не нашли.

– Может, пожар случился оттого, что от трупа пытались избавиться?

- Кстати, идея, - кивнул Тимофей. - Хотя сомнительно... Если он уже несколько лет был в доме, с какой стати вдруг пожар устраивать?

- Да... нестыковочка, - вздохнула подруга. - И никаких предположений, кем дядя был при жизни?

- Ждем озарения, - съязвил Тимофей. - У тебя нет знакомого экстрасенса?

- У меня есть знакомый придурок, подойдет? Нет, серьезно. Если вдруг появился труп, значит, где-то пропал человек. В смысле, живой. Шесть лет, конечно, срок, но не так уж много людей исчезает бесследно... Можно проверить.

- Спасибо, что подсказала.

- И что ты думаешь по поводу перспектив? - спросила я.

- Перспектив? Перспективы дохлые. Оттого это, скорее всего, очередной висяк на наши головы. Так что лучше бы мужички ничего не заметили да и вывезли его по-тихому: с глаз долой - из сердца вон. И пусть бы его в другом месте нашли, за пределами нашего замечательного города, и голову ломать пришлось бы другим хорошим людям.

- Только не строй из себя циника, - фыркнула Людка. - Я же вижу, мужик в мешке задел за живое.

- Я же сказал: загадочно. А загадки возбуждают любопытство. Кстати, забыл сообщить ценную деталь. Труп обретался долгое время целехонький, а кистей лишился совсем недавно. Буквально на днях.

- Чудеса, - пропела Людка и совершенно серьезно добавила: - Может, кто на память взял?

- И кто из нас троих циник? - вопросительно глядя на меня, спросил Тимофей.

- Оба хороши, - пожала плечами я и продолжила: - Допустим, убили мужика несколько лет назад и спрятали тело в доме. Потом узнали, что дом идет под

снос, и решили лишиться мужика кистей рук, не будучи уверенными, что отпечатки пальцев снять невозможно. Следовательно, искать надо среди пропавших без вести примерно в то же время людей, чьи отпечатки по той или иной причине должны быть в вашей базе данных.

- Это мы и сами догадались, - усмехнулся Тимофей, но смотрел скорее удовлетворенно, ибо не раз заявлял: девушка я сообразительная, чему он рад безмерно. Не знаю, что уж у него там за повод для радости, то есть какая ему от этого польза, но я не против чужих восторгов, доброе слово и собаке приятно. - Только вряд ли труп был спрятан в доме, - продолжил Глазков. - Не то крысы устроили бы легкое пиршество...

- Да блин! - рявкнула Людка. - Просила же без натурализма... Меня от ваших разговоров сейчас стошнит.

- Тоже мне, журналист, - отмахнулся Тимофей.

- Получается, он находился в другом месте, - не обращая внимания на негодование подружки, продолжила я. - И вдруг от него решили избавиться. Почему? Лежал бы себе да лежал... Если его несколько лет не нашли, значит, место вполне надежное.

- А если нет? - влезла Людка, у которой интерес к разговору сохранялся, хоть она и жаловалась на слабый желудок. - Или место вдруг перестало быть надежным?

- Ну да... - я согласно кивнула. - Возиться с трупом - малоприятное удовольствие. Не стали бы зря беспокоиться. Мешок, кстати, новый или старый?

- Похоже, новенький...

- То есть бедолага все эти годы не в нем лежал?

- Ага. И вдруг его запихнули в мешок да и спрятали в доме.

- А может, все наоборот? - нахмурилась я, демонстрируя работу мысли. - Может, с точки зрения того, кто это сделал, пришла пора трупу объявиться?

- На фи́га тогда кисти отруба́ть?

- А чтоб вам жизнь медом не казалась, - фыркнула Людка. - Не все в кабинетах штаны просиживать, надо и побегать.

- Он либо не знал, что дом вот-вот снесут, - продолжила я, - и рассчитывал, что труп еще долго не обнаружат, либо идея заключается в том, чтобы личность убитого вы установили, но на это ушло время.

- А за это время что-то должно произойти?

Людка весело подмигнула:

- Вот так, служивый, просто сидишь и ждешь, что из этого получится.

- Примерно это я и планировал, - сладенько улыбнулся ей Тимка.

- Убили-то его как? - проявила интерес подруга.

- Судя по всему, задушили.

- На заказуху не похоже, - почесав за ухом, заметила Людка.

- Не похоже, - согласился Тимофей. - Киллеры предпочитают не входить в тесный контакт с жертвой.

- А вот почему, кстати?

- Хочешь, я тебе с одним злодеем интервью устрою? Он все расскажет.

- Это с кем?

- Да хоть с Колей Тополевым, пока его не отправили в места очень даже отдаленные.

- С Коще́ем, что ли? Он же практически идиот. Двух слов связать не может.

– С этим не поспоришь, Коля – известный молчун, но даже когда молчит, на умного не похож, а вот стрелять умеет так, точно вырос на Диком Западе. Прямо талант. Восемь доказанных убийств. И брал недорого.

– Город многое потеряет, – съязвила Людка.

А я вернулась к предыдущему разговору:

– Об убитом что-нибудь известно? Возраст, к примеру?

– Не старик, это точно. Но и не пацан. Скорее всего, от тридцати пяти до пятидесяти, шатен. Может, еще что нароют, но пока все. Как только определятся со временем кончины, дело веселее пойдет. Проверим, кто без вести пропал в этот период...

– Так, может, он приезжий? – сказала Людка.

– Может. Тогда у нас наверняка висяк. Что не радует ни нас, ни наше начальство.

– Если он приезжий, какой смысл прятать труп несколько лет, а потом еще и перетаскивать? Нет, он почти наверняка из этого города. И человек вам известный.

– Твои слова да Богу в уши. Махонькое везение нам бы не помешало. Я в отпуск хочу, а когда начальство гневается, об отпуске лучше помалкивать.

Разошлись мы в тот вечер поздно, впрочем, в этом не было ничего необычного, то есть вовсе не рассказ Тимофея так на нас подействовал. Посиделки за полночь скорее норма, когда вечер у всех троих свободен. Разумеется, самым занятым из нас был Тимофей и вечера вне дома, к своему сожалению, проводил не так приятно, как ему бы хотелось. Людкина работа тоже требовала жертв. В общем, примерно три-четыре вечера в неделю я пребывала в одиночестве, потому что на работу бежать сломя голову не требовалось и особых поводов покидать дом тоже не находилось. Хоть я и жила в этом городе больше двух лет, похвастать большим количеством знакомых не могла, наверное, потому, что к знакомствам не очень-то стремилась. Но о любви, как водится, мечтала. Вот уж

действительно повод согласиться с утверждением, что женская душа – тайна за семью печатями, в просторечии: сама не знает, чего хочет.

Вернувшись к себе, я приняла душ и устроилась в постели с книгой. Но не читала, а лежала с закрытыми глазами, задумавшись. Думы мои, несмотря на недавний разговор о жуткой находке и внезапное появление хозяев в доме с колоннами, были о новом знакомом, что говорило о многом. Мысленно я уже называла его Валькой, в очередной раз отметив, что имя ему идет.

Я незаметно погрузилась в сон, и приснился мне дом с колоннами. Поначалу все было вполне реалистично. Я отправляюсь на пробежку и вижу дом, он погружен в темноту, но ставни, против обыкновения, открыты. Толкнув калитку, я вскоре оказываюсь на крыльце и замечаю, что дверь в дом тоже открыта. И решаю войти. В конце длинного холла возникает силуэт человека, он стоит неподвижно. На мужчине старомодный костюм в полоску, на голове вязаная шапочка, что вызывает недоумение, я приближаюсь, человек по-прежнему стоит ко мне спиной. И резко оборачивается, когда до него остается всего несколько шагов.

Лицо его выглядит ужасно, а потом и вовсе начинает расплываться, как подтаявшее мороженое. Я в ужасе бросаюсь к двери, оборачиваюсь и вижу, как мужчина призывно машет мне руками. Руки короткие, потому что кисти отсутствуют, вместо них – окровавленные культы. Я ору от страха и просыпаюсь.

Типичный кошмар, чему удивляться, если до поздней ночи мы говорили о трупце? Я побрела на кухню, по дороге натыкаясь в темноте на мебель, слава богу, что ее немного. В комнате задернуты плотные шторы, а вот на кухне гораздо светлее. Часы показывали 03.20 утра. Получается, что спала я от силы минут сорок.

Выпив воды из-под крана, я замерла возле окна. Отсюда дом с колоннами не увидишь, но я все равно выискивала взглядом примерное место.

– Дался мне этот дом, – проворчала я в крайней досаде и вернулась в постель.

Должно быть, я еще не отошла от кошмара, и, когда стояла возле окна, возникло странное чувство, будто некто, находящийся в доме, настойчиво звал меня, тянул ко мне невидимые руки... Совсем как мертвец во сне.

- Стивен Кинг, - хмыкнула я, но беспокойство все росло, я даже подумала, не отправиться ли к Людке. Бежать из квартиры сломя голову, разбудить подругу среди ночи только потому, что мне кошмар приснился?

- Меньше надо о покойниках болтать, - вслух произнесла я.

Полежала еще немного. Сна ни в одном глазу. Людку беспокоить я не стала, вместо этого устроилась за компьютером. Работа, как всегда, увлекла. Вторично я взглянула на часы уже в восемь, когда хлопнула дверь Тимофеевой квартиры. Он отправился на работу, а я - спать.

Разбудил меня телефонный звонок. Звонил Федор, которого я в шутку называла своим работодателем. Впрочем, мы и правда часто работали вместе.

- Чего голос такой несчастный? - спросил он после моего вялого приветствия.

- Недавно уснула.

- Ну, извини. Прорыв в личной жизни?

- Если бы. Работала до утра.

- С чего вдруг? - вроде бы удивился он. - Дня не хватает?

- Тимка вчера про найденный труп рассказывал, не поверишь, кошмары замучили. Пришлось спасаться работой.

- Ты там с трупами поаккуратней, они до добра не доводят. А сосед твой - дурак, нашел о чем девушке рассказать. Как работа продвигается?

- Завтра-послезавтра закончу.

- Отлично. Деньги уже перевели. Ты видела?

- Спасибо, не успела проверить.

Федор засмеялся:

- Ты необыкновенная девушка. Такое впечатление, что деньги тебя вообще не интересуют.

- Это сильное преувеличение. Я к ним спокойно отношусь: нет сейчас, значит, будут завтра. Может, поэтому они сами идут мне в руки? Возьми на вооружение.

- Ага, как же. У меня ипотека и два кредита, беременная Юлька и стерва-любовница, которая считает меня миллионером.

- Нелегкая у тебя жизнь.

- Мне интересно, ты вообще деньги тратишь? Я не имею в виду самое необходимое...

- Трачу, Федя, трачу. Могу тебе в долг дать.

- Нет уж, долгов у меня и так предостаточно. А чего ты, к примеру, квартиру не купишь?

- Зачем? - удивилась я. - Мое нынешнее жилье меня вполне устраивает.

- Собственная квартира - это совсем другое.

- Верю на слово. Просто я не убеждена, что навсегда хочу остаться в этом городе. И выйдет одна морока: сначала покупай, потом продавай... А так шмотки собрал - и поехал куда глаза глядят.

- Счастливый ты человек, Тинка, - вздохнул Федор. - Я бы тоже так хотел...

- Что мешает? - засмеялась я.

- Да все. Ипотека и кредиты... и даже Юлька. Уж быстрее бы родила. В жизни смысл появится... Да?

- Должен, - ответила я.

- Уверена?

- Это же не моя жизнь, а твоя. Тебе и решать.

- Говорить с тобой - одно удовольствие... Вообще-то я по делу... Тут халтурка подвернулась, деньги небольшие, но и работы на пять минут. Сделаешь? Я точно к субботе не успею, а обещал.

- Хорошо.

- Спасибо. Сейчас все скину, лови.

Мы простились, и я решила, что дальше оставаться в постели смысла нет. Уже собиралась завтракать, когда в дверь позвонили, пошла открывать и обнаружила Людку.

- У тебя деньги есть? - спросила она, проходя на кухню.

- Конечно.

- Блин! - выругалась она. - Правильно Глазков, он же всевидящий глаз правоохранительных органов, говорит, что ты девушка с придурью! Кто еще способен ответить «конечно» на вопрос «есть ли деньги»?

- Он так говорил? - хмыкнула я. - А мне врет: красавица, умница, да еще спортсменка... Сколько тебе нужно?

- Пару тысяч. Тачку заправить нечем.

Пока я ходила за деньгами, Людка выпила кофе, который я себе приготовила.

– Спасибо. А чем это у тебя воняет?

Я пожала плечами. Никакого неприятного запаха вроде не чувствовалось.

– За мойкой мышь, случайно, не сдохла? – По части запахов у Людки пунктик, я вновь начала принюхиваться. – Прикинь, – продолжила она, – мне сегодня всю ночь крысы снились. Здоровые. Будто я в каком-то подвале, а они вокруг так и шмыгают. Проснулась в холодном поту. Хотела Глазкову в стенку стучать, чтоб бежал спасать девушку. Потом решила: больно много чести... И стала читать «Анну Каренину», поставила рекорд: вырубилась на третьей странице.

– А мне покойник приснился, да еще без рук.

– Это вчерашние разговоры, – кивнула Людка. – Нет бы о приятном поговорить... О мужчинах, к примеру...

– Вряд ли Глазкова эта тема увлечет.

– Тогда о бабах... Хотя нам-то они к чему... Ладно, за денежку спасибо. Пойду трудиться. Ну как тут тебе не позавидовать? И деньги есть, и идти никуда не надо.

Проводив Людку, я позавтракала и вернулась с книжкой в руках в гостиную, она же спальная, внезапно осознав, что ничего лучше моего старенького дивана до сих пор не изобрели.

Все бы хорошо, но слова подруги о трупе, на сей раз мышинном, в голову запали. Выбравшись на кухню, чтобы налить чаю, я сразу же начала принюхиваться. В самом деле, запах есть. Для начала я избавилась от мусора, прогулявшись до мусорных баков, затем вымыла мусорное ведро. После чего начала принюхиваться с удвоенным рвением. Кончилось тем, что я решила отодвинуть кухонный гарнитур. Был он стареньким, единая столешница у него отсутствовала, так что воплотить свой замысел я смогла без особого труда. Мойку с места я, конечно, не сдвину, но подлезть к ней смогу, если стол перемещу.

В общем, я взялась за дело. Мышиных трупов не обнаружила, но грязи здесь скопилось предостаточно, что неудивительно. За два года жизни в квартире генеральной уборкой я не занималась ни разу, и те, кто жил здесь до меня, этим себя тоже не обременяли.

Собрав мусор в совок, я потянулась к швабре и вот тогда заметила листок бумаги, прилипший к шероховатой задней стенке стола. Я подхватила его с намерением бросить все в тот же совок, но по неведомой причине не сделала это сразу, а повертела листок в руке. И пораженно замерла. Может, реагировать так и не стоило, но в тот момент я почувствовала нечто вроде озарения, как будто всего на несколько секунд увидела наш мир в хитросплетении причинно-следственных связей и поняла, как все устроено...

Длилось сие недолго, но я продолжала еще некоторое время стоять, таращась на листок бумаги. Обычный листок, который используют для заметок и держат под рукой на тот случай, если надо что-то записать. До сих пор в гостиницах такие лежат возле телефонов, а рядом – карандаш или ручка.

В квартире тоже был телефон, но я им никогда не пользовалась, предпочитая мобильный, хотя старательно оплачивала. Листок пожелтел и скукожился, наверное, оттого, что на него попала вода, запись, сделанная шариковой ручкой, выцвела, однако прочитать ее можно было без особого труда: «Нижняя Гончарная, 23. В 17.00». 23-й дом по Нижней Гончарной – это не дающий мне покоя дом с колоннами! И кому-то из бывших жильцов квартиры там назначили встречу. Помнится, Людка говорила, в доме было фотоателье и магазин дамского платья. В магазине время не назначают, а вот в ателье, пожалуй, могут.

Интересно, сколько здесь пролежал, то есть, скорее, повисел этот листок? Если верить подруге, дом с колоннами в нынешнем его виде стоит лет шесть-семь. Мог листок находиться здесь столько времени?

Я спешно закончила уборку, а найденный листок магнитом придавила к дверце холодильника, самой себе не в состоянии объяснить, зачем это делаю.

Приготовив обед, я вновь села за работу, но во время перерывов подходила к холодильнику и брала листок в руки. Просто наваждение, ей-богу! Вертела его и так и сяк, словно рассчитывая разглядеть что-то еще.

В шесть часов с работы вернулась Людка и заглянула ко мне:

- У тебя пожрать есть?

- Диетический плов сгодится?

- А что, в стране с мясом проблемы?

- С мясом в стране порядок. Ешь что дают.

Людка пошла мыть руки, но потом решила принять душ. Ожидая ее, я успела накрыть стол и заварила чай. Ждала я ее с нетерпением, и лишь только мы приступили к трапезе, сообщила:

- Трупов за мойкой не обнаружено.

- А чем воняло? - Людка начала принюхиваться. - Вроде сейчас все нормально...

- Совок грязи намела. А еще нашла вот это. - Я поднялась, взяла листок и протянула Людке.

- И чего? - спросила она, глядя с некоторым недоумением.

- Адрес. Это дом с колоннами.

- О господи! - Она вернула мне листок. - У тебя на этом доме легкий сдвиг. Не находишь?

- Согласись, это все-таки странно, кто-то жил здесь до меня и...

- Тоже незаметно спятил? Может, там какая-то контора была. Дай Глазкову задание, пусть узнает, что там за злые духи... Хотя недолго им осталось...

- В каком смысле?

– В смысле, что есть решение пустить там Любанинскую магистраль. Несколько домов, и твой любимец в том числе, пойдут под снос, зато губернаторский сад не тронут. Вот так.

– Это точно? – нахмурилась я.

– Еще месяц назад решение приняли. А сегодня на пресс-конференции сам мэр сказал. Он, поди, знает, что говорит. Хотя в нашем мэре я не особо уверена. В принципе правильно, четыре дома, что идут под снос, исторической ценности не представляют, а из-за губернаторского сада такая война развернулась, до президента дошли... И дорогу, в конце концов, надо делать, чтоб всю Россию не смешить.

Любанинская магистраль, о которой говорила подруга, в самом деле стала притчей во языцех. Новую дорогу начали строить лет десять назад, чтобы разгрузить центр города, который просто задыхался в пробках. Шла она по старому руслу реки Любань, от которой осталось лишь название. Еще в прошлом веке речка превратилась в болото, которое осушили, в результате остался овраг, заросший камышом. Он разрезал старый город на две части и портил всю картину. Мало того, запах там стоял весьма неприятный, а еще прибавьте несанкционированные свалки, которые росли в овраге, как грибы-поганки.

Оттого новую дорогу и решено было проложить там – чтобы и старую разгрузить, и избавиться наконец от зловония, о котором местные уже стихи слагали, что-то типа «старинный город наш могучий стоит на Любани вонючей».

Однако намерение так намерением и оставалось. Долгое время все ограничивалось десятком «КамАЗов» с песком и дополнительным неудобством для водителей. Каждую весну «КамАЗы» исправно появлялись, затем исчезали, а остряки подсчитывали, сколько денег зарыли на этот раз, и утверждали, что на потраченные за десятилетие средства можно было построить дорогу Москва – Пекин.

Одному богу известно, как долго бы это продолжалось, но тут в город приехал президент. Граждане с восторгом вышли его встречать, однако картину всеобщей радости подпортили ходоки от народа с длинным перечнем заслуг лихоимцев-чиновников. Любанинская магистраль заняла там почетное первое место. Не успел президент отбыть в соседнюю область, как «КамАЗы» пошли

сплошным потоком, в рекордные сроки завалив песком даже то, что заваливать не стоило. И тут возникла новая проблема. Так как всерьез строить дорогу, по-видимому, никто не собирался, реального плана строительства попросту не существовало, и его пришлось изобретать на ходу. Тогда и выяснилось: чтобы провести дорогу из пункта А в пункт Б, потребовалось бы снести старое духовное училище, а главное, отдать под дорогу часть бывшего губернаторского сада, который считался любимым местом отдыха горожан. И хоть взамен предлагалось создать сразу два парка с фонтанами и детскими площадками, горожане стояли насмерть, а чтобы местная власть в одночасье не решила вопрос при помощи бульдозера, отправили петицию президенту, собрав аж сорок тысяч подписей. Если верить Людке. Ясное дело, снести четыре дома, один из которых давно заброшен и затянут сеткой, куда проще, чем справиться с народным гневом.

– Значит, дом снесут? – спросила я, точнее, подумала вслух. – Когда?

– Ну, на днях вряд ли получится. Надо же все согласовать, наверняка кто-то из жильцов заартачится... Полгода, думаю, еще простоит. Находишь он на пару-тройку метров подальше, мог бы выжить, а так оказывается практически на обочине.

– Жаль. Красивый дом.

– Да ладно! Чего в нем красивого? Сама говоришь: выглядит жутко...

«Может, хозяева объявились, узнав о предстоящем сносе?» – подумала я, убирая посуду.

Людка побежала по делам, а я, немного послонявшись по квартире, решила позвонить своей квартирной хозяйке.

Мой звонок Марину Витальевну насторожил. Обычно я звонила раз в месяц, когда наступал срок оплаты квартиры, до которого было еще далеко, и, едва поздоровавшись, она спросила:

– Тиночка, что случилось?

– Все в порядке, – ответила я и заверила, что в обозримом будущем съезжать не собираюсь. Это ее заметно успокоило, а я продолжала: – Марина Витальевна, я решила сделать генеральную уборку и мебель в кухне отодвинула...

– Что-то не так? – вновь заволновалась она.

– Все нормально, – повторила я. – Нашла записку, которая за стол завалилась. Вот и хотела узнать, кто жил до меня в этой квартире.

– Какую записку?

Хозяйка моя, женщина нервная, пребывала в постоянной тревоге, каждое мгновение ожидая от мира какой-нибудь пакости. Малейшее изменение в привычном течении жизни вызывало у нее едва ли не панику. Она боялась, что лишится квартирантки и придется искать другую; что крыша старая, квартиру зальет и придется делать ремонт; что зима будет холодной и полопаются трубы; лето – жарким и начнутся пожары...

Собственно, по этой причине я и старалась свести наше общение к минимуму. Заезжая к ней, деньги передавала у порога и, отговорившись делами, тут же сбегала, а если она ко мне навевалась, встречала ее в дверях уже одетая и торопилась покинуть квартиру. Иногда и вовсе оставляла деньги в почтовом ящике, от которого у нее был ключ. Этот способ ей не нравился, хотя доступ к ящикам внизу никто, кроме нас с ней, Тимофея и Людки, не имел, а у них ключа от ее ящика, соответственно, не было. Почтальоны всю корреспонденцию, состоявшую в основном из счетов, закидывали в щель, предусмотрительно сделанную в двери, что Марину Витальевну, кстати, тоже беспокоило: «счета потеряются». Мне стоило больших трудов объяснить, что при автоплатежах весь этот ворох бумаг без надобности.

В общем, обращаясь к ней, я прекрасно понимала, что нарушаю привычное течение ее жизни и подвергаю себя испытаниям. Но любопытство было сильнее.

– Давайте я вам ее покажу. Ничего особенного, но меня она заинтересовала. Вот я и хотела поговорить о прежних жильцах. Можно по телефону поговорить, если вам удобнее.

– А как же записка?

– Я вам ее прочитаю.

Она с минуту размышляла.

– Я приехать не могу, у меня варенье... Приезжай прямо сейчас и записку привези.

– Хорошо. Спасибо.

Я поспешила закончить разговор, собралась за пять минут и покинула квартиру.

Жила Марина Витальевна в трех троллейбусных остановках отсюда, и я решила отправиться к ней пешком. Разомнусь, а заодно придумаю объяснение моему внезапному любопытству.

Двухподъездную пятиэтажку втиснули между особняками начала прошлого века, и была она как бельмо на глазу. Совершенно неуместное здесь сооружение, но году в семидесятом, когда строили этот дом, должно быть, считали иначе.

Набрав код на домофоне и сообщив о своем приходе, я поднялась на третий этаж. Марина Витальевна ждала меня, стоя в дверях.

Было ей лет сорок пять, выражение лица такое, словно она говорила: «Когда ж вы меня в покое оставите!»

– Заходи, Тиночка, – сказала Марина.

Я вошла, сбросила балетки, отказалась от предложенных тапочек и вслед за хозяйкой направилась на кухню. С вареньем она уже закончила. Земляничный запах еще стоял на кухне, но медный таз был убран на один из шкафов, а на столе выстроились стеклянные банки, на крышках которых Марина Витальевна фломастером написала «земляника». Должно быть, боялась перепутать.

– Вот сюда садись, – засуетилась хозяйка. – Хочешь чаю?

– Спасибо, ничего не надо.

– Ага... А где записка?

Я достала листок бумаги и протянула ей. Руки ее дрожали, что, в общем-то, не удивило. Зная ее характер, я не сомневалась: ничего хорошего она от жизни в принципе не ждет.

С минуту Марина Витальевна разглядывала записку, точно там не пара слов, а текст на три тысячи знаков. Потом взяла очки, лежавшие на холодильнике, и вновь принялась читать. Губы ее при этом шевелились, словно у первоклашки. Я приготовилась к испытаниям.

– Я ничего не понимаю, – жалобно произнесла она, положив листок на стол перед собой.

– Видите ли, 23-й дом вроде бы нежилой, а моя подруга мечтает устроить там фотосессию, вот я и подумала: может, кто-то из ваших бывших квартирантов знаком с хозяином дома?

– Какой дом? Господи, Тина, как ты меня напугала...

«Интересно, что ж такого страшного я сказала?» – очень хотелось спросить мне, но вместо этого я начала плести про подругу и фотосессию, а Марина Витальевна, сложив руки на коленях, продолжала смотреть на пожелтевший листок бумаги с таким выражением, точно перед ней устроилась гадюка.

Разумеется, я уже жалела, что пришла сюда, и тут Марина сказала:

– Теперь придется в полицию идти. Как думаешь?

Это уж вовсе никуда не годилось, и я, не сдержавшись, спросила:

– В полицию-то зачем?

– А вдруг это важно?

- Кому?

- Ну, не знаю... - Она тяжело вздохнула.

«С ума сойти», - мысленно простонала я, а вслух сказала:

- Это просто адрес, который кто-то из квартирантов записал на листке бумаги. Я сомневаюсь, что в полиции этим заинтересуются.

- Думаешь? А следователь сказал, если что-то вдруг вспомните или еще чего...

- Какой следователь? - насторожилась я.

- Фамилии я уже не помню. Шесть лет прошло.

- Стоп! - прорвало меня.

Может, прозвучало не особо вежливо, но подействовало. Марина Витальевна теперь смотрела и помалкивала, а я задала вопрос:

- Что случилось шесть лет назад?

- Как же... сестра моя пропала.

- В каком смысле «пропала»?

- В таком, - пожала плечами она. - Была и нет.

- Но... - подобное в моей голове не особо укладывалось. - Она возвращалась с работы или еще куда-то пошла? При каких обстоятельствах это случилось?

- Да никаких обстоятельств не было. Пропала, и все, до сих пор ни слуху ни духу... Такие обстоятельства.

- А почему вы решили, что записка имеет отношение к вашей сестре?

- Почерк-то ее.

- Вы уверены?

- Конечно, уверена. Почерк у нее красивый, букочки ровненькие и с завитушками. Она еще в детстве всем поздравительные открытки подписывала. Здесь видно, что спешила, но все равно букочки одна к одной.

Приподнявшись, я посмотрела на записку. Буквы действительно ровные, и завитушки присутствуют.

Тут Марина Витальевна вскочила, бросилась в прихожую, начала рыться в верхнем ящике комода и вскоре вернулась с поздравительной открыткой.

- Вот, смотри. Это она мне на день рождения дарила, а потом пропала, недели через две. День рождения у меня 30 мая, а хватились Эмму 14 июня. Это я отлично помню.

Пожалуй, насчет почерка Марина Витальевна права, я, конечно, не графолог, но очень похоже.

- А кто ее хватился? - задала я очередной вопрос.

Марина устроилась на стуле, тяжело вздохнула и ответила:

- Подруга ее. Варька Спиридонова. Она как раз под Эмкой жила.

- А ваша сестра жила в квартире, которую вы сейчас мне сдаете?

- Ну... квартира родительская. Папа умер, когда Эмке четыре года было. А маму мы восемь лет назад похоронили. Хотели квартиру продать, но у Эмки своего жилья не было, она то у хахаля своего, то на съемной. Не складывалось у нее с мужчинами... Хотя сама, конечно, виновата. Мама ей говорила: до свадьбы к себе не подпускай, а она с пятнадцати лет парням на шею вешалась. Мама только диву давалась, в кого Эмка такая шалава... Извини, Тиночка. Это я от нервов...

– Ничего-ничего, – замотала головой я. – Значит, сестра осталась в родительской квартире?

– А куда ей еще? У меня квартира своя, у нее нет. Пошла сестре на уступки. На те деньги, что ей причитались, она бы квартиру не купила. Если только на окраине, а ей туда не хотелось. Рассудили так: за год-два она подзаработает деньжат, тогда и квартиру на продажу выставим. Да не успели, пропала сестра.

– И первой на это обратила внимание соседка?

– Да. Варька. Они с детства дружили. А с сестрой мы в то время не очень ладили. Виделись редко. Она и на день рождения ко мне заскочила на полчаса. Дела у нее... Что за дела? Она ведь даже не работала. С одного места уволилась, а другого не нашла. Кто ж так увольняется, скажи на милость? Надо головой-то думать, что делаешь... А 14 июня у Варьки день рождения. И она, само собой, Эмки хватилась. То есть хватилась раньше, но не беспокоилась. Мало ли куда подруга сорвалась, Эмка – она такая... Поманит какой-нибудь мужик – и понеслась душа в рай. Она и с работы уволилась, потому что в отпуск ее не отпускали, а ее, видишь ли, любовник в Турцию позвал. Слетала в Турцию, работы лишилась, а потом, конечно, и любовника. Ну а Варвара забеспокоилась, когда Эмка на день рождения к ней не пришла и даже не поздравила. И мне позвонила. Я сначала отмахнулась, хорошо сестру зная, но тревогу почувствовала. Варька-то права, дружили они с трех лет, и не было такого, чтоб сестра ее не поздравила. Я в квартиру. Все вещи на месте. Паспорт в шкафу, и загранпаспорт тоже. Выходит, никуда она не уехала. Куда без паспорта? Я сразу в полицию заявила. Они Варьку поспрашивали, еще кое-кого из соседей... На том все и кончилось. Шесть лет никаких известий. Два раза на опознание вызывали. Такой ужас... Хорошо, Варька со мной ходила. Слава богу, не Эмка в морге лежала, но ты подумай, что я пережила. Я на этом деле инвалидность заработала. С мужем развелась. Кому я нужна, больная-пребольная. И сейчас опять все сначала? Начнут водить по кабинетам да трупы показывать. Ужас! – Она передернула плечами и заплакала.

– Но... вдруг это действительно важно? – нерешительно сказала я. – Вдруг встреча, которая произошла в двадцать третьем доме, имеет отношение к ее исчезновению?

– Имеет не имеет... Шесть лет прошло. И ты сама говоришь, дом-то этот заброшенный. И неизвестно, когда Эмка записку писала. Она в квартире два

года жила. А неряха была – ужас. Уж точно гарнитур не двигала ни разу.

– И все-таки...

Марина смотрела так, точно я по капле пью ее кровь, потом кивнула:

– Только я одна не пойду. Да у меня в их коридорах приступ начнется. Еще в больнице окажусь... И был бы толк. Шесть лет прошло...

– Эмму признали мертвой? – сообразила я.

– А как же...

«Она за квартиру боится, что ли?» – подумала я. Впрочем, длинный список «чего боится моя хозяйка» можно продолжать до бесконечности.

– Ладно, – сказала я, поднимаясь. – Я записку Тимофею Глазкову покажу. Он подскажет, как поступить.

– Точно, – обрадовалась Марина. – Может, без меня как-нибудь обойдется. Мне с моим здоровьем...

Я заверила, что ее здоровье мы будем беречь, и поспешила к двери.

Вечера я ждала с нетерпением, хотелось рассказать о находке Тимофею. Впрочем, вряд ли он придет в восторг от моего рассказа. О том, что соседка пропала, ему должно быть известно, хотя в то время он еще здесь не жил. Я подозревала, что шестилетней давности исчезновение не произвело бы на меня такого впечатления, не будь этой записки. Люди, к сожалению, исчезают, и бывает, что навсегда. Но дом с колоннами будоражил воображение. Ничего удивительного, что я вдруг решила прогуляться и очень скоро замерла возле калитки.

Ставни по-прежнему закрыты. При свете дня это был просто старый дом, изрядно запущенный. И все же... приближаться к нему не хотелось. Даже сейчас он, казалось, таил угрозу. Впрочем, это, скорее всего, мои фантазии. Траву возле

дома недавно скосили. Еще одно доказательство появления хозяев. И факт своего возвращения они не держат в секрете. Хотя ставни почему-то не открывают.

Я уже минут пять разглядывала дом, делая вид, что вожусь с мобильным, когда заметила, что за мной тоже наблюдают. На скамейке ближе к остановке сидела странного вида тетка, одной рукой она бережно прижимала к груди пакет, в котором что-то позвякивало, а во второй держала сигарету, но не курила, а смотрела на меня, приоткрыв рот, точно я диво дивное. На ногах у нее были домашние тапочки, а на плечах – куртка с капюшоном. С меховой опушкой. И это при том, что с утра обещали +25, а в реальности было даже больше. На бомжиху не похожа, тапочки симпатичные, а куртка чистая. Да и не тетка она вовсе. Лицо оплывшее, но ей вряд ли больше тридцати пяти – сорока.

Тут она внезапно поднялась, отбросила сигарету и нетвердой походкой направилась ко мне.

– Эй, ты! – позвала она, когда до меня оставалась пара шагов. – Тебе чего здесь надо?

– Чего мне надо – где? – спросила я, сообразив, что дама нетрезва, стойкий запах перегара тому свидетельство.

– Думаешь, я не поняла? На дом этот таращишься?

– Это что, ваш дом?

Она нервно хихикнула и покачала головой.

– Тогда какое ваше дело, на что я таращусь?

– Тянет, да? – теперь она нахмурилась и говорила серьезно, вроде бы даже с материнской заботой, а потом вдруг погрозила пальцем. – Смотри, тянет-то неспроста. Душу вытягивает. Ам! – Тут она щелкнула челюстью, и я невольно отпрянула. – И нет души.

– Дура, мать твою, – буркнула я, чувствуя, как сердце по неведомой причине ушло в пятки.

Тетка засмеялась и торопливо зашагала прочь в своих дурацких тапочках. А я осталась стоять с весьма странным чувством.

Неожиданно явилось желание догнать эту чокнутую и поговорить. Ведь что-то она имела в виду.

– Она пьяная, – урезонила я себя. – И что ей там привиделось, поди разбери. Она и сама об этом забыть успела.

В общем, я в смятении чувств отправилась домой. Прицепила магнитом к холодильнику записку и стала ждать Тимофея. Пьяная баба не шла из головы, и чем больше я называла ее слова глупостью, тем больше жалела, что не догнала ее и не расспросила, какого лешего она имела в виду.

Глазков в тот вечер, как назло, задерживался. Людки тоже не было. Начало темнеть, и я поспешила в парк. Затягивать с пробежкой не хотелось, потому что я надеялась увидеть Вальку. Возможно, и он надеялся... По крайней мере, я старалась себя в этом убедить.

Но по дороге в парк возле дома с колоннами все же притормозила. Свет ни в одном окне не горел, в сгущающемся сумраке дом выглядел особенно зловеще. Я вновь вспомнила пьяницу, помянув ее недобрым словом, и вскоре уже входила в парк.

Пробежав половину дистанции, я начала беспокоиться, потому что Вальку не обнаружила, но надежды еще не теряла. Оказавшись у реки, решила передохнуть. От воды дорожку в этом месте отделял густой кустарник. Только-только начав разминаться, я вдруг услышала, как кто-то выругался. Негромко, но вполне отчетливо. Вслед за этим раздался всплеск. Оглядевшись и никого рядом не обнаружив, я раздвинула ветки кустов и крикнула:

– Эй, у вас все в порядке?

Берег в этом месте довольно крутой, оттого и тропинку проложили в стороне, со своего места я не видела ничего подозрительного, то есть вообще ничего не видела, кроме реки, поблескивающей в темноте.

С минуту я размышляла, стоит ли спуститься или лучше не давать лишний повод моим друзьям считать, что у меня не все дома. Ясно, что не стоит. Но и возвращаться к своим упражнениям я не спешила.

И тут услышала за своей спиной:

- Привет.

И едва не подпрыгнула от неожиданности. За спиной стоял Тимка и весело скалил зубы.

- Блин, откуда ты взялся? – покачала головой я.

- Дома никого, решил прогуляться... Был уверен, что найду тебя здесь. А чего по кустам шарить?

- Ты очень кстати, – запоздало обрадовалась я. – Давай пройдемся. – Я стала пробираться сквозь кусты, и Тимофей за мной, спросив с изумлением:

- Мы вообще-то куда?

- К реке.

- А... там, конечно, романтичней.

По ту сторону кустов оказалось светлее, чем под деревьями, и свет фонаря на набережной, которая начиналась в паре сотен метров, доходил сюда, хоть и с трудом.

- Куда дальше? – спросил Глазков в некотором недоумении от того, что я замерла на месте.

- Мне послышалось, кто-то выругался. Знаешь, так бывает, когда оступишься. Потом всплеск...

- Всплеск тоже послышался?

- Всплеск точно был. Вдруг кто-то в реку свалился?

- Странно, что ты сразу не кинулась на помощь.

- Вообще это тебе бы сделать надо.

- Чтоб получить медаль «За спасение утопающих»?

- А без медали никак?

- Не перестаю тобой восхищаться, - хмыкнул Тимка. - Ты же видишь - никого... Ладно, давай спустимся.

Мы прошли чуть дальше, обнаружили тропинку и начали спуск. Глазков джентльменски поддерживал меня под руку, я не возражала, хотя и без его помощи бы обошлась. Вскоре мы оказались на узкой песчаной полоске возле воды и принялись оглядываться. Глазков достал фонарик, узкий, точно авторучка, и осветил под ноги. На песке виднелся след, слегка размытый.

- Здесь точно кто-то был, - буркнул Тимофей.

Ближе к склону начиналась трава, и след терялся.

- Подошел к воде, а потом наверх поднялся, - продолжил Тимофей и неожиданно добавил: - А может, их было двое? А вернулся лишь один?

Я испуганно посмотрела на него, а Глазков рассмеялся:

- Шутка.

- Дурак, - покачала головой я.

- Да ладно, чего ты... Кто-то к реке спустился, может, правда ногу подвернул, ну и матюгнулся. А всплеск... Камень в воду упал. Их здесь предостаточно.

Он принялся светить на воду, а я, округлив глаза, спросила:

- А это что? - наугад ткнув пальцем.

- Где? - Глазков шагнул в указанном направлении.

Я собралась ответить «шутка», и тут луч света выхватил из темноты нечто странное, в первое мгновение я даже не поняла, что это.

- Вроде тряпка какая-то, - сказал Тимка.

- Тряпка?

- Мало ли мусора несознательные граждане оставляют?... - Он не договорил, усмешка сползла с его лица. Глазков поспешно сбросил туфли, подвернул штанины джинсов и шагнул в воду. Теперь стало ясно, что его так заинтересовало. В воде был мешок. Очертания вполне угадывались, на поверхности виднелась лишь малая часть, надувшаяся от воды пузырем. В этом месте оказалось довольно глубоко, сделав еще шаг, Глазков провалился по грудь, зло чертыхнулся, но мешок ухватить успел и потащил его к берегу.

- Господи, ну на фиг я это делаю?! - выбравшись на песок и глядя, как с его одежды ручьем стекает вода, прорычал он.

- Потому что ты хороший человек, - улыбнулась я с невинным желанием его задобрить.

Мешок лежал у наших ног. Обычный мешок, в котором граждане обычно перевозят картошку.

- Не убивай меня, если там и вправду мусор, - взмолилась я.

– Он тяжелый. Камни там, что ли... – Глазков пнул мешок ногой и прокомментировал: – Хрень какая-то...

Достал складной нож и разрезал веревку, которой была стянута горловина.

Потом я неоднократно жалела о том, что в тот момент находилась рядом. Могла бы в сторонку отойти... Чтобы не видеть жуткую, иссохшую руку с длинными ногтями. Она была похожа на куриную лапу и оттого казалась еще страшнее.

Я слабо пискнула, готовясь упасть в обморок.

Глазков, взглянув на меня, проворчал:

– Ты еще пожалуйся.

В общем-то, он был прав. Я с блеском подтвердила не особо лестное мнение соседа о моей особе. Ну, услышала крик, потом всплеск, так и шла бы себе мимо, а не лезла в реку вылавливать мешки с трупами. Если взглянуть на ситуацию с этой точки зрения, то в обморок падать точно не следует. И если кому-то из нас стоило сочувствовать, то скорее Тимке. Хотя это его работа, он ее сам выбрал, и нечего отлынивать.

Он достал мобильный, набрал номер и, пока ждал ответа, сказал милостиво:

– Толай к тропинке.

Я припустилась со всех ног, желая поскорее оказаться как можно дальше от этого места.

На тропинку я выбралась, прислушиваясь к тому, что происходит у реки. Судя по всему, там ничего не происходило, Глазков просто ждал коллег, вот и все. Я тут же вспомнила: на месте происшествия не должно быть посторонних, вот он меня и отправил. А еще нельзя ничего трогать, чтоб не затоптать следы и не стереть отпечатки пальцев убийцы. Следы там точно были... Надеюсь, мы их не затоптали. И мешок вскрыли... О господи, еще вчера Тимка рассказывал о трупе в мешке – и вот вам пожалуйста, еще один. И именно нас угораздило его найти. Это что же, в городе маньяк появился? Ходит по городу и трупы в мешках

раскидывает? Но этот, по крайней мере, с руками. Я вспомнила, как эти самые руки выглядели, и нервно передернула плечами. Кошмары по ночам мне гарантированы.

Проходившие мимо немногочисленные граждане поглядывали на меня с недоумением, должно быть, выглядела я странно. И тут в конце аллеи появился Валька, увидел меня, помахал рукой, а буквально через несколько секунд уже стоял рядом. Несмотря на свое состояние, я в очередной раз отметила: глаза у него необыкновенные.

В общем, я растянула губы в улыбке и пискнула:

– Привет.

– А я уже испугался, что тебя не встречу, – сказал он, бросая на землю свой рюкзак. – Второй круг делаю.

То, что он «испугался», пришлось мне очень по душе, значит, я ему нравлюсь, он хотел меня увидеть...

Тут Валька взглянул с некоторым недоумением.

– А чего стоишь? Решила передохнуть?

– Я полицию жду, – ответила я.

Он нахмурился:

– Полицию? А что случилось? Обидел кто-нибудь?

– Со мной все в порядке, просто... Я труп нашла.

– Что ты нашла? – вытаращил глаза он. А кто бы не вытаращил?

– Труп. Там, у реки. Точнее, труп был в реке, а мы его вытащили. Там сейчас мой сосед. – Я намеренно назвала Глазкова соседом, чтобы Валька не решил, чего

доброе, что это мой парень.

- Ты сейчас серьезно говоришь? - вроде бы усомнился он.

- Еще как...

Словно в подтверждение моих слов раздалась сирена, и вскоре на дорожке появилась полицейская машина. Ситуация совершенно необычная, неудивительно, что в рекордный срок здесь собралась толпа, должно быть, все, кто в тот вечер гулял в парке.

Из машины выбрались четверо мужчин, и я шагнула им навстречу:

- Тимофей внизу...

Они начали спускаться, народ подтягивался со всех сторон. Валька взял меня за руку и прижал к себе, и я устроила голову на его груди, вторично решив, что могу упасть в обморок.

Он легонько поглаживал мое плечо, потом спросил:

- Может, присядешь? Возле фонаря есть скамейка...

- Со мной, наверное, захотят поговорить.

- Понятно. А зачем вы в речку полезли? Решили искупаться?

- Нет. Здесь же не купаются. Берег крутой, и сразу глубоко.

- Вот и я о том же...

- Я остановилась отдышаться и вдруг слышу - кто-то выругался. Внизу, возле реки. А потом всплеск. Я испугалась, вдруг человек в воду упал. Ну, и... позвала... никто не ответил. Тут как раз сосед появился, и мы решили проверить. У него фонарик был... Смотрим, недалеко от берега что-то плавает... Тимка влез в воду, достал мешок, разрезал веревку, а там... Жуть, одним словом...

– Занятный парень – твой сосед. И фонарик у него, и нож... Веревку он ножом разрезал? И в воду полез... Прямо бойскаут, – Валька засмеялся.

А я подумала: «Он старается меня отвлечь».

– Вообще-то он следак, в смысле следователь в следственном комитете. На днях нашли труп, тоже в мешке, поэтому он и насторожился. – Тут я подумала: «А не много ли я болтаю? Негласный договор нашей общей гостиной гласил: о том, что тебе рассказали, помалкивай. Даже Людка никогда не пользовалась своим близким соседством, хоть и твердила, что настоящий журналист за сенсацию родную мать продаст».

– Seriously? – спросил Валька, чувствовалось, тема трупов не особо его увлекла. Будучи нормальным парнем, он просто не решался меня оставить, а то бы уже давно продолжил пробежку.

К тому моменту мы, можно сказать, уже стояли в толпе. Народ волновался, перешептывался и строил предположения. Большинство сходилось во мнении: кто-то утонул.

– Точно, – заявил парень неподалеку. – Труповозка подъехала.

Все дружно достали мобильные. Однако подоспевшие полицейские в форме начали потихоньку оттеснять любопытных.

Я увидела Глазкова в сопровождении мужчины лет тридцати, высокого и нескладного. Тимка шарил взглядом, должно быть, высматривал меня. Я пошла навстречу.

– Вот... – кивнул он, указывая на меня долговязому. – Долго ее не держи. Она все равно ничего не видела.

– Давайте к машине отойдем, – предложил мне мужчина.

Глазков вернулся к своим, а мы устроились в машине. Мой рассказ занял пять минут. Еще столько же ушло на личные данные. В общем, коллега Глазкова уложился в рекордно короткий срок.

– Тимофей Викторович просил вас проводить до выхода из парка, – в заключение сказал он.

– Спасибо, я доберусь...

– Это чтобы вас на выходе не задержали, – пояснил он, видя мое недоумение. – Всех, кто находился поблизости, будут опрашивать...

– Я не одна, я с другом, – вздохнула я.

К моей большой радости, Валька ждал неподалеку.

– Садитесь в машину, – сказал парень.

Я позвала Вальку, и когда он подошел, шепнула:

– Поехали, не то есть вероятность задержаться здесь надолго.

– Поехали, все равно уже не побегаешь.

Мы сели на заднее сиденье. Я была уверена, что долговязый обратит внимание на Валькин рюкзак, и уже приготовилась сообщить, что у него там гантели. Но пока мы устраивались в машине, он возился со своими бумагами. Потом положил их на сиденье рядом и завел машину.

Через пять минут мы покинули парк.

– Приключение, – покачал головой Валька, когда мы зашагали по улице.

– Да уж...

– Не возражаешь, если я тебя провожу? Ясное дело, девушка ты самостоятельная, если по вечерам бегаешь в парке в одиночестве, но как-то беспокойно на душе после таких находок.

- Бегаю в одиночестве, потому что компании нет, - пожала плечами я.

- Ну, теперь-то есть, - засмеялся он и весело мне подмигнул.

Мы как раз проходили мимо дома с колоннами. В другое время я бы непременно притормозила, чтобы на него взглянуть, а тут вдруг возникло желание перейти на другую сторону улицы, что я, собственно, и сделала, игнорируя отсутствие «зебры» на асфальте, чем вызвала легкое недоумение Вальки. Вопросов он не задавал, но взглянул удивленно, а я зачем-то сказала:

- Дом с колоннами... Не обращал на него внимания?

- А что в нем такого?

- Как-нибудь расскажу, - пообещала я.

- Заинтересовала, - улыбнулся он. - Буду ждать.

Вскоре мы подошли к моему подъезду, о чем я, притормозив, и сообщила Вальке. Он оглядел дом и задал вопрос:

- С родителями живешь?

- Родители в другом городе.

- Снимаешь квартиру?

- Ага.

- Одна или с кем-то?

- Одна.

- А если в гости напрашусь, чаем угостишь?

- Конечно. Могу даже блинами накормить.

- Здорово. После пробежки у меня всегда лютый голод. Но я держусь. На вечер – ничего, кроме кефира.

- Ты стойкий парень.

- Не всегда...

Я открыла дверь, и мы поднялись на второй этаж.

- С соседями повезло? – обзревая нашу импровизированную гостиную, спросил Валька.

- Как видишь. Один из соседей как раз в парке.

- Понятно.

Дверь Людкиной квартиры была закрыта. Значит, дома она так и не появилась.

Мы прошли на мою кухню, и Валька предложил:

- Тебе с чаем помочь?

- Нет, спасибо.

Я собрала на стол, а он прошелся по кухне и стал разглядывать магнитики на холодильнике.

- Много путешествуешь?

- Стараюсь.

- А это что? – Он указал на пожелтевший листок с адресом.

- Это... – замялась я. – Адрес.

– Я понял.

– Тот самый дом с колоннами. Мимо него мы сейчас проходили...

– И от которого ты рванула в легкой панике?

– Это выглядело именно так?

– Похоже.

– Записку я нашла, когда затеяла генеральную уборку. Она за гарнитур завалилась. Можешь сколько угодно смеяться, но... Дом мне кажется... странным. В нем есть что-то... зловещее.

Валька присвистнул, а я вздохнула:

– Думаешь, я чокнутая?

– Присяжные еще совещаются, – серьезно ответил он. Я весело фыркнула, а он засмеялся. – В детстве я любил Стивена Кинга, так что продолжай.

– Записка заинтересовала. Оказывается, ее написала сестра моей хозяйки. Хозяйка узнала почерк. Шесть лет назад сестра исчезла. И до сих пор ее не нашли.

– А дом здесь при чем?

– Пока не знаю. Но то, что она туда ходила, наводит на размышления...

– В полиции об этом знают?

– Как, по-твоему, стоит им сообщить?

Он пожал плечами.

– Наверное. Сколько лет назад она пропала? Шесть? Не удивляйся, если они не особо впечатлятся твоей находкой.

– Я собираюсь Глазкову рассказать, соседу. Пусть он решает.

– Разумно, – согласился Валька, и мы сели пить чай.

Разговор не клеился. Мысленно я то и дело возвращалась к недавней находке, мой гость это, должно быть, чувствовал и не хотел быть навязчивым. А может, решил, что девица я странная. Кто же меня за язык-то тянул, могла бы соврать, мол, угодил листок нечаянно в компот, оттого и желтый...

– Спасибо за чай, – поднимаясь, сказал Валька и улыбнулся.

«Удивительные у него все-таки глаза, – подумала я. – Надо было не в чашку пялиться, а развлечь гостя беседой. И что теперь?»

– Теперь, – точно отвечая на мой вопрос, сказал Валька, – я знаю, где тебя искать, если ты вдруг охладеешь к пробежкам. Но на всякий случай дай свой телефон и мой запиши.

– Да, конечно! – вскакивая из-за стола, воскликнула я.

Валька как раз шагнул навстречу, и мы едва не столкнулись лбами.

– Опа, – сказал он, подхватив меня за руки.

– Я не нарочно, – глупо хихикнула я.

Лицо его было совсем близко от моего лица и в свете лампы вдруг показалось старше. И суровее, что ли.

– Слушай, а у тебя парень есть?

– Нет.

- Слава богу, - он отступил на шаг, картинно вытер лоб. - Камень с души сняла.

Я засмеялась. И внезапно возникшая неловкость разом исчезла.

Мы направились в прихожую. Валька продиктовал номер своего мобильного, записал мой и с усмешкой заметил:

- Про девушку ты не спросила.

Я пожала плечами:

- Как-то неловко...

- Ага, - кивнул он, глядя на меня.

- Что «ага»? Так она есть?

- Нет, конечно. Я парень с принципами, и будь у меня девушка, не стал бы напрашиваться в гости.

- Похоже, мне повезло.

- Еще бы. Дверь внизу можно просто захлопнуть? Тогда не провожай. Пока. Надеюсь, что до завтра.

Он спустился по лестнице, открыл дверь, махнул рукой и вышел на улицу.

Дверь закрылась, а я вздохнула. Затрудняюсь описать чувства, которые меня переполняли, если честно, их было слишком много. Даже в моем отношении к Вальке все оказалось далеко не однозначно. Сочетание насмешливой нежности и дерзкой самоуверенности действует безотказно. На девиц вроде меня - совершенно точно. Но в нем было еще что-то, беспокоящее, будоражащее воображение... Интересно, а что он думает обо мне? Не зря Стивена Кинга вспомнил. Должно быть, решил, что я книжек начиталась и мне везде чудовища мерещатся.

Я вернулась в квартиру, оставив дверь открытой, в надежде, что Людка и Глазков вскоре появятся. Однако ни того ни другого так и не дождалась. Людка, как выяснилось, ночевала у подруги, а Тимка полночи провел на работе.

Зато утром, когда я встала, они паслись в общей гостиной. Людка только что пришла, а Глазков вливал в себя кофе чашку за чашкой, готовясь к очередным героическим будням. Оба по неведомой мне причине на работу не спешили.

- Не слышала, когда ты вернулся, - налив кофе, сказала я Тимке, устраиваясь напротив.

- Неудивительно. Кстати, большое тебе спасибо.

- За гражданскую позицию? - влезла Людка.

- За еще один гарантированный глухарь.

- Пожалуйста, - пожала плечами я. - Обращайся.

- Чего дальше-то? Рассказывай, - поторопила его Людка.

- Вы о вчерашнем трупе? - задала вопрос я.

- О чем же еще? - фыркнул Глазков.

- В городе маньяк объявился. Второй труп в мешке, - заметила Людка.

- Делать выводы еще рано. Там мужчина, здесь женщина. У него отсутствуют кисти рук, у нее на месте...

В этот момент я едва не поперхнулась, вспомнив вчерашний ужас, а Тимка, досадливо кашлянув, продолжил:

- Мешки и то разные. В первом случае пластиковый мешок для мусора, во втором - из мешковины.

- И убили женщину недавно?

- Пока еще говорить об этом рано...

- Но?

- Примерно в то же время, что и мужика. Сохранность трупов тоже примерно одинаковая. Блин! - выругался он. - А ничего, что я, типа, завтракаю?

- Мы, типа, тоже, - хмыкнула Людка. - Так что не стесняйся. Ни фиги себе... - после недолгой паузы покачала головой она. - Загадка века, да и только. Слушай, а может, какой-то псих могилы раскапывает? А потом трупы подбрасывает, чтобы вам жизнь медом не казалась?

- Кстати, я об этом тоже подумал, - кивнул Тимка. - Однако, по словам патологоанатома, контакта с землей не было. А это странно. За несколько лет дерево должно прогнить, и контакт с землей неизбежен. Блин! - вновь повторил он, закатил глаза и отодвинул чашку.

- Как корректно ты выражаешься! - засмеялась Людка, судя по всему, вознамерившись доконать его в то утро. - Если по-простому: земля должна попасть в гроб и ее следы нашлись бы на теле?

- У тебя получилось значительно доходчивей, - ухмыльнулся он. - Кладбища уже проверяют, никаких жалоб на действия вандалов, вообще ничего подозрительного.

- Я бы администрации кладбища доверять не стала, - сказала подруга. - Они будут молчать, чтобы лишнего внимания к себе не привлекать. Не то сунутся в их дела, и такое всплывет...

- Это ясно, но как тогда объяснить отсутствие земли на телах? - влезла я.

- По второму трупу пока ничего определенного, но первый точно какое-то время находился на стройке. Следы строительной пыли, цемента и все такое.

- Значит, - сказала я, - тело было спрятано там, где велось строительство, а потом его сунули в мешок и подбросили в подвал дома. А может, он был там с самого начала? Например, за кирпичной кладкой?

- Тогда какого хрена его вытаскивать?

- Предположим, дом идет под снос...

- Так его нашли именно в таком доме.

- У этого дома давно нет хозяев. А у того, о котором веду речь я, возможно, есть.

Глазков с минуту смотрел на меня, должно быть, переваривая услышанное.

- Момент, - влезла Людка. - Если я правильно поняла, некто в городе коллекционирует трупы, пряча их, например, у себя в подвале. Тут выясняется, что дом его идет под снос, и он спешно избавляется от покойников, запихивая их в мешки. Я даже знаю, что это за дом, - хитро глядя на меня, заметила подруга. - Тот, с колоннами? Загадочный и опасный?

- Что еще за дом? - не понял Глазков.

- Здесь неподалеку, 23-й номер. Тинка считает, там без нечистой силы не обошлось.

Она засмеялась, а я мысленно чертыхнулась. Собственно, такая мысль у меня была, но после подобного вступления Глазков вряд ли отнесется к ней серьезно.

- Если трупы перепрятали, то на фига бросать их там, где сразу найдут? - заговорил сосед. - Проще закопать за городом. Ведь если их до сих пор не нашли, вряд ли завтра побегут искать. А здесь - следствие, то да се, и большой риск засыпаться...

- Как погибла женщина? - поинтересовалась я.

- Скорее всего, ее задушили. Так же, как мужика.

– Я же сказала, кто-то с вами играет, – вмешалась Людка. – Не знаю, где он трупы взял, но подкинул их нарочно. Классический случай: псих жаждет всеобщего внимания и очень хочет, чтоб его поймали, если верить психологам. Но лично я им не особо верю. Иди и сдайся, коли в одном месте свербит, а вся эта бодяга с подсознательным...

Психология у подруги – больная мозоль. Дай Людке волю, она будет ораторствовать на эту тему до второго пришествия. Мать Людки – дипломированный психолог, по мнению подруги, договориться с ней о чем-то миром возможным не представляется. Тот случай, когда доктор не в состоянии помочь сам себе. По этой причине Людка делала далеко идущие выводы и иначе как «большим недоразумением» и «не наукой», психологию не называла.

– Дом, в котором труп нашли, стоит в таком виде много лет, – продолжила подруга. – Псих, или кто он там, мог попросту не знать, что его вот-вот снесут. Насколько я понимаю, после пожара попасть в дом с улицы, бомжам например, нелегко. Да и нечего там делать бомжам, они предпочитают дома покрепче. А труп не лежал на входе, его ведь спрятали. Запросто могли вывести с мусором и не заметить.

– В принципе, да, – кивнул Глазков.

– То есть нашему психу просто не повезло. Намереваясь утопить второй труп, он, по моему мнению, место выбрал весьма удачно. Шансы обнаружить его там невелики.

– Если бы не случайность, – заметил Тимка, – которая иногда сводит на нет все старания. Мужик оступился в темноте и вскрикнул. А Тинка, услышав это, полезла в кусты.

– Не полезла, просто поинтересовалась, все ли в порядке.

– Но этого оказалось достаточно, чтобы его спугнуть. У него было два варианта: либо спешно сматываться и попытаться счастья в другом месте, либо быстро сделать дело. И то и другое одинаково опасно. Ведь ты могла его заметить.

– Первый вариант даже опасней. Представь, что его бы заметили, когда он волок этот мешок...

– Да уж, логичнее от него избавиться. Но у нас по-прежнему нет уверенности, что действовал один и тот же человек. На мешках нет отпечатков...

– Там же были следы, – напомнила я.

– Были, но наш псих очень осторожен. Предусмотрительно надел бахилы и перчатки, разумеется, тоже. У него 42-й размер обуви. Вот пока и все.

– Самый ходовой, – заметила Людка. – А собачку привести не догадались?

– Уж эти мне умники... След ведет к асфальтовой дорожке, а там столько народу прошло...

– Обидно, если он все еще находился в парке, – вздохнула я.

– Подозрительных лиц на выходе останавливали и, разумеется, опросили всех, кто был поблизости. Возможно, наш парень действительно отирался среди них. Но лично я сомневаюсь. У него было достаточно времени, чтобы смыться.

– Что бы ты ни говорил, ясно, что эти трупы – дело рук одного маньяка, – сказала Людка. – По-твоему, в городе сразу двое психов объявилось? А может, это ритуал такой?

– Представляю, что твои друзья-журналиги навывдумывают! – закатил глаза Тимка.

– Кстати, у вас все шансы показать себя в деле, – съязвила Людка. – Главное – ласты не склеивать, то есть руки не опускать.

– Ага, ага.

– Что ж поделать, работа у тебя такая. Я статейки пишу, ты убийц ловишь. Одной Тинке лафа: бегай в свое удовольствие да развлекай себя страшилками.

– Вообще-то я работаю. – В тот момент мне было не до Людкиных высказываний, и я вновь обратилась к Глазкову: – Сестра моей хозяйки пропала шесть лет

назад. Тебе об этом что-нибудь известно?

- Слышал от бабули, она еще жива была. Я-то сюда переехал пять лет назад. Почти пять. Бабка говорила, соседка бухать начала. Конкретно так. Всякие-разные к ней ходили. Так что трагический конец не особо удивил. Пьющие бабы всегда в зоне риска. Хотя, может, укатила куда-нибудь с милым другом и, пребывая в абсолютной нирване, даже не подумала о своем женском счастье сестре сообщить.

- Шесть лет нирваны?

- И не такое бывает. Хотя, скорее всего, либо загнулась по пьянке, либо в самом деле помог кто.

- Если по времени подходит... - начала я, но Глазков перебил:

- Не переживай, все проверим. И сестру твоей хозяйки, и прочих пропавших в то же самое время. Скромно напоминаю: убиенная может быть приезжей, а страна у нас большая. Так что надеяться на удачу можно и даже нужно, но ее вероятность ничтожно мала.

- Я за кухонным столом записку нашла. Хозяйка почерк сестры узнала...

- Какую записку?

Я сбегала к себе и принесла записку. Людка тут же начала ухмыляться:

- Что я тебе говорила? Враги рода человеческого оказались в доме номер 23.

- Наверное, ее надо приобщить к делу? - не обращая на подругу внимания, спросила я.

- К какому делу? - не понял Глазков.

- Ну как же... Женщина исчезла, теперь выясняется, что она была в этом доме...

- Это кто сказал? Возможно, собиралась. Возможно, даже была. Но когда? За день до исчезновения, за год или за пять?
- Она здесь жила меньше двух лет.
- Тинка, не доставай, а? Не надо путать фантазии с суровой реальностью.
- Записку возьмешь?
- На фига? Можешь отдать ее хозяйке. Пусть она ментов донимает, которые ее сестру искали.
- Она к ним не пойдет.
- И правильно. Менты на эту бумажку чхать хотели.
- У хозяйкиной сестры была подруга, Варвара Спиридонова. Жила на первом этаже.
- Помню такую. Они вместе с Эмкой бухали.
- А где она сейчас?
- Откуда мне знать? Переехала, наверное, если в ее квартире другие люди живут.
- Ну так узнай! - не выдержала я.
- Обязательно, - хмыкнул он. - Еще какие-нибудь пожелания?
- Выясни, кто хозяин дома номер 23.
- Сатанинский Антихрист Вельзевулович, - хохотнула Людка.
- Очень смешно, - скривилась я.

- Чего ты? Не обижайся, – заныла подруга, но я в досаде отмахнулась.

- Ну, если заданий у вас больше нет, пойду служить закону. – Глазков поднялся, стена и охая, точно старик с подагрой, и побрел к себе. Однако на пороге обернулся: – Кстати, а что за парень был с тобой вчера?

- Валька? Знакомый. Иногда вместе бегаем. Только я не всегда за ним успеваю.

- Значит, вчера он ушел в отрыв, и все радости незабываемого вечера достались тебе. И мне. Но тут уж винить некого. Сам в парк поперся.

- Много бы ты выгадал, если бы не поперся? – хмыкнула Людка.

- В общем, да. И это утешает.

Глазков исчез в своей квартире, а подруга сказала, с улыбкой глядя на меня:

- Хорош дуться. Хочешь, я тебе что-нибудь доброе сделаю. Окна вымою. Хочешь?

- Ловлю на слове, – ткнула в нее пальцем я.

- Заметано, – кивнула она.

Вскоре Людка вслед за Глазковым отбыла на работу, а я, выпив еще чаю с яблочным пирогом, который она прихватила вчера у подруги, решила наведаться к соседям снизу.

В квартире подо мной жила пожилая пара, я с ними практически не общалась, однако при случае не только здоровалась, но и не забывала сделать замечание насчет погоды и городских новостей. В общем, могла рассчитывать на вполне доброжелательный прием.

Переодевшись в сарафан, я вскоре уже стояла на улице и набирала нужную цифру на домофоне.

- Да? – услышала я женский голос и поспешно заговорила:

– Эльвира Николаевна, это ваша соседка...

– Заходи, Валечка.

Открыв дверь в предбанник, я оказалась в темном сыром помещении, забитом всяким хламом. Проход к квартире загромождал гигантских размеров шкаф. Ему было лет семьдесят, как минимум, и время бедолагу не пощадило. На счастье, соседка гостеприимно распахнула дверь своей квартиры, только благодаря этому я не свернула шею.

– Тесновато у нас здесь, – точно извиняясь, сказала она. – Соседи все никак вещи не уберут. Да и я, если честно, тоже. Руки не доходят. Надо с бабушкиным шкафом что-то решать. Выбросить жалко – память, да и шкаф дубовый, сейчас таких не делают...

Квартира, в отличие от места общего пользования, оказалась светлой, порядок здесь царил образцовый.

Мы прошли в кухню с новым гарнитуром небесно-голубого цвета. Одна из стен была завешана вышитыми картинами в рамках. Котики и кошечки, цветы и ангелочки.

– Это ваши работы? – спросила я.

– Да. Надо же чем-то себя занять, особенно на даче. Павел Станиславович у меня любитель в земле копать, а я нет. Устраиваюсь в тенечке и вышиваю. Валечка, ты присаживайся. Хочешь чаю?

– Нет, спасибо. Только что позавтракала.

– А я уж пару раз пила. Встаю рано. А молодым надо поспать. Ты слышала, говорят, вчера в парке женщину убили. Ужас. А мы там гуляем по вечерам, особенно летом, жара спадает, там воздух такой... И нате вам... Теперь к парку близко не подойду.

– Женщину несколько лет назад убили.

– Как это? – пораженно замерла она. – Час от часу не легче! И бедняжка все это время там лежала? А мы мимо ходили... Ты слышала, на днях еще один труп нашли. Дом сносили, а там – целое захоронение... Не город стал, а прямо Чикаго какой-то.

Она досадливо махнула рукой, а я поспешно произнесла:

– Эльвира Николаевна, я вот к вам по какому делу... Вы эту квартиру покупали у Варвары Спиридоновой?

– Да, а что такое?

– А вы, случайно, не знаете, где она сейчас живет?

– Пять лет назад жила на Тихонова. В старых домах. У меня где-то точный адрес есть.

Мы прошли в комнату, и она принялась перебирать бумаги в шкафу, продолжая говорить:

– У нее долги были по квартплате. Мы полгода со всем этим разбирались. То звонить ей приходилось, то ездить. Мобильный она совершенно точно сменила. Я года два назад пыталась позвонить, вопрос один возник по поводу подвала. Но мне ответили: номер не зарегистрирован. Возможно, она и живет в другом месте.

– А почему она эту квартиру продала?

– Из-за долгов, конечно. У нее долг был по квартплате просто умопомрачительный. Кажется, за два года. Представляешь? В наше время за квартиру не платить... В общем, когда ей судом грозить стали, она решила квартиру продать. А мне хотелось в центре жить. Свою трехкомнатную мы сыну оставили. А она, должно быть, расплатилась с долгами и квартиру себе купила. Район там не очень, но что делать... Вот, – обрадовалась она. – Улица Тихонова, дом 53, квартира 1. А зачем тебе Варвара?

– Хозяйка просила ее адрес узнать, – соврала я, чтобы избавить себя от объяснений. – Ее сестра со Спиридоновой дружила.

– Да-да, Варвара мне рассказывала об этом несчастье. Я имею в виду, что подруга ее исчезла. И никаких следов. А что твой сосед говорит по поводу убийств?

– Он с нами свою работу не обсуждает.

– Это правильно. Тайна следствия и все такое. Хотя... Мог бы что-то сообщить в утешение.

– В утешение он сообщил, что приложит все усилия...

– Дай Бог, дай Бог, – закивала Эльвира, не уловив иронии.

А я поспешила к выходу. Пробираясь к подъездной двери, вторично налетела на шкаф, а Эльвира, наблюдавшая это с душевным трепетом, напомнила: шкаф дубовый, и выбросить его жалко.

Стоя посреди тротуара, я прикидывала, отправиться ли мне к Варваре сейчас или дождаться вечера. Здравый смысл подсказывал: лучше подождать, но нетерпение гнало к троллейбусной остановке.

Общественным транспортом добираться до улицы Тихонова пришлось минут сорок. Район в самом деле хорошим не назовешь. Слева ветшали корпуса какого-то завода, их потихоньку теснили новостройки. Справа стояли двухэтажные дома, построенные в те давние времена, когда завод не только работал, но и процветал. Теперь запустение пришло и сюда.

Асфальтовая дорожка выглядела как после бомбежки, да и дома были ей под стать. Штукатурка осыпалась, окна первого этажа чуть ли не на асфальте лежат. Деревянная дверь подъезда распахнута настежь. Доски пола прогнили, и шла я, точно канатоходец. К счастью, до первой квартиры идти недалеко.

Я нажала кнопку звонка, призывая на помощь удачу. Только бы Варвара еще жила здесь! Трудно представить, где можно найти жилье дешевле, так что в ее

интересах за коммуналку все-таки платить.

Везением, как оказалось, даже не пахло. Я звонила еще дважды и довольно долго ждала, а потом побрела на улицу. В дверях встретила девушку, Варварой она быть не могла ввиду своего возраста, но, по крайней мере, способна была ответить на вопрос.

- Не подскажете, Варвара Спиридонова в первой квартире живет?

Девушка молча кивнула. Уже хорошо.

- А не знаете, где она сейчас?

- На работе, наверное. Она уборщицей работает в магазине за углом, «Каприз» называется.

- Спасибо, - обрадовалась я и пошла искать магазин.

Впрочем, много времени на это не понадобилось. Он действительно находился по соседству. Я увидела вывеску, лишь только свернула за угол.

Продуктовый магазин площадь занимал небольшую. Я вошла и огляделась, выискивая уборщицу. Кроме пышной девицы за кассой, из персонала - никого. Девица была занята покупателями, и отвлекать ее не хотелось. Я решила пройтись по магазину и вскоре возле лотков с фруктами обнаружила грузчика в компании мужчины лет сорока, который отдавал распоряжения. Дождавшись, когда они разложат товар, я обратилась к мужчине:

- Простите, Спиридонова у вас работает?

- А что такое? - нахмурился он.

- Она в нашем доме жила, на Нижней Гончарной, - сообщила я, чтобы придать своим словам достоверность. - В подвале ремонт собираемся делать, там ее вещи остались, вот хотела узнать...

- Понятно, - кивнул он. - Работает она здесь, но в ближайшие дни не появится.

– Она в отпуске?

– Думаю, в запое. С утра позвонила, сказала, что на больничном. У нее знакомый врач в поликлинике, вот она и болеет, – усмехнулся он. – Как запьет, сразу к нему.

– А почему не уволите? – улыбнулась я, дядька мне нравился. Он тоже улыбнулся в ответ, пожал плечами:

– Она особо не наглеет. Заболевает раз в два месяца, не чаще, и пьет дня три от силы. А в остальное время ответственный работник. Везде чистота, и указывать не надо. Хорошую уборщицу еще поискать, а недостатки есть у каждого. Главное, чтобы они не перевешивали достоинства, – подмигнул он.

– Значит, сейчас она, скорее всего, дома?

– Необязательно. Она, скорее всего, с друзьями-подругами. Их в округе немерено. Я бы дал вам два-три адреса, но вряд ли беседа с ней сейчас будет продуктивной. К обеду эта публика обычно лыка не вяжет. Мой совет – заходите дня через два, будет шанс застать ее дома. Отходняк и все такое. А лучше через три.

– Спасибо, – кивнула я, взяла бутылку воды и направилась к кассе.

Домой возвращалась на такси. Температура перевалила за тридцать градусов, и общественный транспорт мог стать серьезным испытанием.

Наскоро перекусив, я хотела сесть за работу, но тут в голову пришла идея, и планы изменились. Устроившись за компьютером, я открыла карту города и распечатала ее на принтере. Красным фломастером отметила места, где обнаружили трупы. Расстояние между ними приличное. Первый труп нашли в городе, второй – в парке, то есть вроде бы никакой связи. Но теперь, после изучения карты, становилось ясно: связь, возможно, есть. Улица, где находился снесенный дом, примыкала к парку, и именно этот дом был ближе всего к ограде. Если я права, чтобы доставить труп в эту точку, не нужно было подъезжать к дому на машине, рискуя привлечь к себе внимание. Гораздо проще подойти с другой стороны, то есть со стороны парка. Там совсем рядом въезд на

центральную аллею, где фитнес-центр и парковка. На машину точно никто внимания не обратит. Вопрос, как дотащить труп до ограды, сделав это незаметно. Если в том месте тоже заросли вроде тех, что у реки, это совсем не трудно. Труп не может быть очень тяжелым, учитывая изменения, произошедшие за шесть лет...

Тут я чертыхнулась, прогоняя прочь мгновенно возникшую картину. Основная трудность – преодолеть ограду. Сегодня вечером придется изменить маршрут и заглянуть в эту часть парка. Свернув карту, я сунула ее под бумаги и приступила к работе, напомнив себе об обещании, данном работодателю.

И вскоре так увлеклась, что на часы взглянула, когда уже было шесть. В доме тишина, значит, соседи еще не вернулись. Я готовила ужин, когда зазвонил мобильный. Это оказался Валька.

– Хотел узнать, во сколько встречаемся?

– Я собираюсь отправиться пораньше, чтобы закончить до темноты.

– Хорошо.

– Тогда в восемь на входе.

Мы простились, а я отправилась в общую гостиную, очень надеясь, что соседи появятся до того, как я уйду в парк. Само собой, ждала я Глазкова, рассчитывая на новости. Но не дождалась. На часах было 19:50, а он так и не вернулся. Слегка раздосадованная, я быстро переоделась и вскоре уже бежала к парку.

Против обыкновения, бежала я по левой стороне улицы, словно намереваясь держаться подальше от дома с колоннами. Но, поравнявшись с ним, решила: у меня с головой проблемы, если слова пьяной тетки так подействовали. Перешла дорогу и, равнодушно взглянув на дом, двинулась дальше.

«И на фига эти игры с самой собой?» – подумала сердито, но тут мои мысли приняли другое направление, потому что я увидела Вальку.

Он не спеша прогуливался у входа в парк. Белоснежная футболка в обтяжку выгодно подчеркивала его фигуру. Пресс был такой, что его можно оценить, даже когда он в одежде. Загорелое лицо и эти невероятные глаза... Увидев меня, Валька улыбнулся и пошел навстречу.

«Да он красавец», – в легкой панике подумала я. Нет бы радоваться, однако выходило, что в мешковатом спортивном костюме он мне нравился больше. Может, потому, что казался доступнее и уж точно никакого беспокойства не вызывал. А тут я сразу начала прикидывать, как выгляжу и какую футболку мне следовало надеть. Может, лучше распустить волосы, убрав их под кепку, а не завязывать хвост?... В общем, с десятков вопросов, отвечать на которые как минимум поздно.

– Привет, – сказал Валька, наклонился и легко поцеловал меня в щеку. Боюсь, что я покраснела, а еще подумала: «У нас что, свидание?»

Глупость, конечно. Друзья, бывает, целуются при встрече... Мы не друзья, мы едва знакомы. Есть люди, которые и с малознакомыми целуются, просто потому, что у них так принято.

В любом случае он сделал это очень естественно, и краснеть, а уж тем более лезть к нему с вопросом «С какой стати ты меня целуешь?» совершенно ни к чему.

– Ну что, побьем все рекорды? – весело сказал Валька.

А я зачем-то спросила, должно быть, все еще не справившись со смущением:

– А где твой рюкзак?

– Подумал, после вчерашних событий лучше оставить его дома, не то граждане, чего доброго, решат, что я в нем трупы таскаю.

Я взглянула растерянно, он засмеялся:

– Шучу. На самом деле я подумал, что выгляжу идиотом с этим мешком. Да и гантели, сказать по правде, надоели.

- Ты отлично без них обойдешься, - кивнула я. - С такой фигурой истязать себя ни к чему.

- Можно считать это комплиментом?

- Можно.

- Значит, кое-какое впечатление я произвел.

- Кое-какое - да. - Я засмеялась, и он тоже.

Мы вошли в парк и побежали по дорожке. Я считала, что нахожусь в неплохой физической форме, но до него мне было далеко. Он бежал так легко, точно вовсе не касался земли. Летел, а не бежал. Я бы уже давно отстала, но он сбавил темп, приноравливаясь ко мне, и продолжал двигаться рядом.

- Спортом профессионально занимаешься? - не удержалась я.

- Нет. Занимался всем понемногу, для удовольствия, потом бросил. Когда депрессняк накрыл, стало ясно: придется либо бухать, либо спортом заниматься. Чтобы бухать, надо здоровье иметь, лучше лошадиное, это я выяснил почти сразу.

- Значит, все-таки бухал? - усмехнулась я.

- А то. Русский человек уважает простые решения. Но на деле оно простым не оказалось. В общем, я решил - лучше спорт. А ты?

- Мне нравится бегать.

- Как Форесту Гампу?

- Ты совсем как моя мама. У меня нет проблем.

- Значит, мне повезло. Девушки без проблем - большая редкость. У меня на тебя виды, - засмеялся он.

- Да ты что!

- Ага. Я тебя давно заметил, но все не решался подойти. Ты всегда такая сосредоточенная, такая серьезная.

- Не решался подойти? - переспросила я. - Не очень-то это на тебя похоже.

- Еще как похоже! Нет, познакомиться с девушкой я, конечно, способен, но... Девушка девушке рознь.

- Это комплимент? - спросила я, совсем как он недавно.

- Нет, это просто констатация факта. Ты офигительно красива, у тебя необыкновенные глаза, зеленые, как у кошки... - Тут он посмотрел на меня со всей серьезностью и заявил: - Это, кстати, комплимент.

Мы дружно засмеялись, а я поразились тому, как на меня подействовали его слова. Я была на седьмом небе от счастья и готовилась подняться еще выше. Точно это был первый комплимент в моей жизни и раньше мужчины никогда не говорили, что я красавица.

Почувствовав крылья за плечами, я понеслась вперед, к некоторому недоумению Вальки. Но, быстро опомнившись, он припустился за мной. И все же, хотя комплимент и придал мне ускорение, о своих намерениях я не забывала, оттого вскоре предложила изменить маршрут.

Мы направились к «Ледяной арене», а оттуда к фитнес-центру, где была парковка.

Поначалу Валька помалкивал, но, оказавшись на парковке, все же спросил:

- Что мы здесь делаем?

- Хочу кое-что проверить.

Оглядевшись, я поняла: моя теория приказала долго жить. Пространство вокруг отлично просматривалось, вдоль ограды росли кусты, но укрыться за ними

возможным не представлялось.

- Что именно? - тоже оглядываясь, поинтересовался он.

- Потерпи немного.

Я пошла вдоль ограды, упрямо решив довести дело до конца. Хотя какое там дело? Ясно, что мои догадки гроша ломаного не стоят.

Допустим, убийца приехал сюда ночью. Это вполне возможно, фитнес-центр работает допоздна. И «Ледяная арена» тоже, хотя у нее своя парковка со стороны улицы. Кстати, как и вход в саму «арену». Можно поставить машину, не доезжая до шлагбаума. Но тогда придется тащить труп по открытому пространству довольно далеко. Есть риск, что кто-то обратит внимание и заподозрит неладное. Загулявшие парочки здесь не редкость.

К этому моменту мы вышли на беговую дорожку. В парке их было несколько, этой я никогда не пользовалась, оттого и заинтересовалась. Валька, должно быть, решил, что мы вновь займемся бегом. Намерение похвальное, но осуществить его не удалось.

Через пять минут я начала сверяться с картой, которую достала из кармана.

Мы двигались вдоль ограды, хотя с дорожки ее не было видно из-за высоких деревьев. Но она находилась в сотне метров от нас, и мы приближались к точке, отмеченной у меня на карте.

- А это что? - кивнул Валька на листок бумаги в моих руках.

Мы, естественно, опять остановились, и я подумала: это, наверное, начинает действовать Вальке на нервы. Но, взглянув на него, вздохнула с облегчением - никакой нервозности в нем не ощущалось, только любопытство.

- Ты не против, если мы немного пройдемся, пока еще светло? Обещаю, после этого - никаких сюрпризов.

– Ничего не имею против сюрпризов, но хотелось бы понять, что ты ищешь. Ведь ты что-то ищешь?

– Потерпи еще немного, – попросила я и решительно направилась в сторону ограды.

Валька шел рядом. Вскоре я увидела столбы, на которых держался забор, и тут... Сердце радостно забило, потому что выходило: мои догадки чего-то да стоили. В этом месте ограду парка не меняли очень давно, возможно, с самого его основания. Два столба не выдержали напора времени и завалились. Восстанавливать их не стали, решив, как видно, что в этой части парка редко кто бывает и потратить денежки можно на другие нужды. Ограничились тем, что между уцелевшими столбами натянули сетку-рабицу, которая успела порваться.

Подойдя вплотную, я увидела площадку на месте недавно снесенного дома. Ее уже расчистили и обнесли с двух сторон забором.

– Это то, что мы искали? – подал голос Валька.

– Да.

– Тогда начинай объяснять.

Оглядевшись, он присел на выступ ограды и похлопал ладонью рядом с собой, предлагая мне присоединиться.

Я села, сняла кепку и принялась вертеть ее в руке. Валька терпеливо ждал, с улыбкой глядя на меня. Мол, давай выкладывай, готов выслушать любую чушь.

– Его что-то связывает с парком, – сказала я, точнее, произнесла вслух то, что уже некоторое время не давало мне покоя.

– Кого? – не понял Валька.

– Убийцу. Человека, который вчера пытался утопить труп.

- Логично, если он сделал это в парке...

- Трупов было два.

Тут Валька слегка насторожился, может, засомневался в моей вменяемости.

- Труп мужчины нашли в доме, который сломали несколько дней назад. Он стоял вот здесь, - я ткнула пальцем себе за спину.

- Думаешь, убийца - кто-то из работников парка? Охранник? Дворник? Администратор? Тот, кто знает парк как свои пять пальцев, отлично ориентируется здесь и может незаметно отлучиться с рабочего места?

Я кивнула.

- Только непонятно, как он труп сюда привез. Ты же видел парковку. Очень мало шансов пройти незамеченным.

- А если он прятал их где-то на территории? Парк огромный. В старой части полно брошенных зданий. Я смотрел в Интернете, парк открыли в пятидесятых, что-то типа ВДНХ областного масштаба. Построили двенадцать павильонов. Потом идея заглохла, павильоны пытались подо что-нибудь приспособить, но не особо удачно. В перестройку здесь все и подавно захирело. Теперь те здания, что еще держатся, распродали. Но не все. Я думаю, в некоторые из них лет по десять не заходили ни разу.

«А ведь точно, - думала я. - Вот и объяснение присутствия на трупе строительной пыли. Этих людей убили несколько лет назад, возможно, здесь, в парке. И спрятали тела в развалинах. Теперь, когда павильон наконец-то решили привести в порядок, убийца испугался, что тела обнаружат, и попытался от них избавиться».

Однако кое-что смущало.

- Если он прятал трупы в павильоне, зачем рисковать, перетаскивая их? Какой в этом смысл?

– Смысл есть, если развалины имеют к нему отношение. Менты начнут задавать вопросы, и неизвестно, что из этого выйдет. Вдруг несколько лет назад у него, к примеру, жена пропала вместе с любовником? – Валька засмеялся, давая понять, что это шутка. – Слушай, а чем ты занимаешься, когда не бегаешь? – вдруг спросил он.

– В смысле где я работаю?

Он кивнул, я объяснила, а Валька удовлетворенно кивнул.

– Ясно. Я подумал, может, к трупам у тебя профессиональный интерес. Оказывается, это хобби.

– Кончай, а? – не выдержала я.

– Ладно, не обижайся. Просто красивая девушка могла бы найти не такое экстремальное увлечение.

– Крестиком вышивать?

– Ну, необязательно. Все-таки любопытно, откуда такой интерес?

В ответ я пожала плечами:

– Как-то все... сложилось. Сама не знаю. Сначала таинственный дом... Людка надо мной потешается, а я чувствую: что-то с ним не так... Ну а потом трупы. Про сестру хозяйки моей квартиры я тебе рассказывала?

Он кивнул.

– И про сестру, и про записку, которую ты нашла. То, что ты это связала, вполне естественно, но... – Тут он почесал бровь, сделал паузу, должно быть подбирая слова. – Логичность построений часто обманчива. Из-за отсутствия сведений, которые не дают полноты картины, и даже из-за простой увлеченности. Версия тебе понравилась, и ты уже не видишь ее недостатков. Я хотел сказать, – засмеялся он, – не торопись с выводами. А трупами вообще-то должны менты заниматься.

Он поднялся, видимо утомившись разговорами, я вслед за ним, и мы отправились к дорожке. Сделали два полных круга по парку. Все это время почти не разговаривали, так как взятый темп этому не способствовал.

– Я тебя провожу, – сказал Валька, а когда мы, выходя из парка, переходили дорогу, машинально взял меня за руку, точно я была ребенком. Этот жест показался мне трогательным, и его руку я не выпускала, даже оказавшись на тротуаре. Валька взглянул вроде бы с удивлением, а потом крепче сжал мои пальцы. – Извини за дурацкие рассуждения, – вдруг сказал он. – Тоже мне, гуру. Советы даю и все такое, – он весело фыркнул.

– Почему дурацкие? Ты прав. С выводами спешить не стоит.

Мы поравнялись с домом с колоннами, и Валька замер напротив калитки. Я, само собой, тоже, раз мы до сих пор держались за руки. Он разглядывал дом не меньше минуты, потом перевел взгляд на меня. В нем читалось сомнение.

– Дом как дом? – спросила я, придя ему на помощь.

– Облезленький... Ставни закрыты. А колонны мне нравятся. По-моему, деревянные колонны – редкость. По крайней мере, в этом городе.

– Стивенем Кингом даже не пахнет?

– Давненько я его не читал... А ты фантастику любишь?

– Страшилки не очень. Ты можешь смеяться сколько угодно, но даже сейчас я чувствую: с этим домом что-то не так.

Улыбка исчезла сначала с его лица, а потом из глаз, и без искорок-смешинки, которые мне так нравились, глаза стали холодными, как вода в реке поздней осенью. И вдруг явилась мысль: назвать его Валькой – полная нелепица. Это не его имя.

Тут он сдвинул бейсболку на лоб, засмеялся и сказал:

- Верю на слово. Говорят, женщины куда чувствительнее мужчин.

- Я опять в гости напрашиваюсь, - когда мы оказались возле моего подъезда, заявил Валька. - Может, сделаем это доброй традицией?

- Отчего не попробовать? - улыбнулась я, доставая ключи.

- Не исключено, что я тебе даже понравлюсь, - поддразнивая меня, продолжил он.

- И не такое случается, - не осталась в долгу я.

Мы вошли и, подняв головы, убедились: соседи уже вернулись. Людка с планшетом в руках сидела в кресле, на столе перед ней стоял бокал мартини. Глазков развалился в кресле, в отличие от Людки он предпочел коньяк. Оба следили за нами заинтересованным взглядом, пока мы поднимались по лестнице.

- Твои соседи? - шепнул Валька.

Я молча кивнула.

- Физкульт-привет! - Глазков отсалютовал нам и протянул руку Вальке, который представился:

- Валентин.

- Тимофей. - Тимка выжал из себя улыбку, появление гостя ему, по неведомой мне причине, не понравилось.

Валькина улыбка, напротив, лучилась дружелюбием.

- Людмила. - Людка тоже протянула руку, которую он аккуратно пожал. - Кто этот красивый мужчина? - повернулась она ко мне.

- Ты же слышала, Валентин.
- И что, такие вот красивые-прекрасивые мужчины ходят по нашим улицам?
- Бегают... И надо обладать отличной физической подготовкой, чтобы их догнать.
- Значит, мне мало что светит. А я уж губы раскатала.
- Присоединяйтесь к нам, - перебил Глазков, обращаясь к Вальке.
- Спасибо, для начала надо душ принять, - ответил он с улыбкой, способной смягчить любой отказ.
- Вы уже душ вместе принимаете? - влезла Людка. - А почему я не знала?
- Душ, к моему великому огорчению, принимаем врозь, - деловито пояснил Валька. - И вещи я пока не перевез. Так что от душа в любом случае толку мало, придется до дома терпеть. Вообще-то я провожатый. В темное время суток девушкам не стоит ходить в одиночестве. А Тина так добра, что угощает меня чаем.
- Не перевелись еще рыцари. Знаете, Валентин, я очень часто хожу одна в очень темное время.
- Отвали, - ласково перебила я, и мы удалились в мою квартиру.
- Твой сосед, по-моему, ревнует, - заметил Валька, когда я закрыла дверь. - Он в тебя влюблен?
- Вряд ли. Если только совсем немного и в обеих сразу. А ты чего вдруг начал оправдываться?
- Мало ли, какие у вас отношения, - пожал плечами он. - Боялся напакостить.
- Ставь чайник, - сказала я, направляясь в ванную, чтобы умыться.

- На кухне можно руки помыть? - крикнул он.

- Можно здесь, - ответила я, и тут мой взгляд задержался на стиральной машинке, после чего сердце ухнуло вниз.

Вчера, поговорив с Тимкой, я сунула записку Эммы в карман домашних брюк, а перед тем как отправиться на пробежку, бросила их в стирку. Записку из кармана вытащила и оставила на машинке с намерением вновь прицепить ее магнитом к холодильнику, чтоб она, чего доброго, не потерялась. Но сразу этого не сделала. А теперь ее на машинке не было.

- Черт! - выругалась я. Подошедший в этот момент Валька посмотрел с недоумением. - Что за черт, а? - жалобно повторила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-polyakova/svoy-chuzhoy-rodnoy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)